

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 Března 1932.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

101

25-го марта 1932 г.

25-го березня 1932 р.

П Р А Г А

Р Р А Н А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ж. Тингон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. М. Назаров: 100. (Verše).
2. Борис Кундрюцков: Порыв. (Verše).
3. The free Cossacks.
4. Идея вольного казачества в XIX веке. (Idea volného kozáctva v XIX st.).
5. Чужинец: Польское казакофильство в первой трети XIX-го века. (Polské kozákofilstvo na začátku XIX st.).
6. Ш. Балинов: Сборник противоречий и афишировка „авторитетом“. (Odpověď Charlamovu).
7. Павел Кудинов: Заключительная глава к „Восстанию Верхне-Донцов“. (Závěr stati „Povstání V.-Donců“).
8. Борис Кундрюцков: Генерал Шкуро через двенадцать лет после поражения. (Generál Škuro po 12 letech).
9. Е. Якименко: То, о чем не все знают. (To o čem všichni nevědí).
10. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
11. Пресса. (Pressa).
12. Торжественное заседание по случаю выхода № 100 „В. К.“, состоявшееся в Белграде. (Slavnostní schůze v Bělehradu na počest 100 čísla „V. K.“).
13. Предварительный ответ г. Быкадорову. (Odpověď Bykadorovu).
14. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
15. Открытое письмо редактору „Г. К.“ (List p. redaktoru „H. K.“).
16. В Казакии. (V Kozákii).

Почтовый ящик.

Белград. — Б. К. — Все получено. Привет.
Франция. — Л. С. — Получено. Привет.
Франция. — О. Ш. — Попробуйте писать по украинські. Вітаємо.
Югославия. — П. Н. — Получено. Привет.
Августов. — А. К. — Постараемся исполнить. Привет.
Румыния. — О. Я. — Будет напечатано. Привет.
Южин. — Г. Б. — Получено. Привет.
Княжевац. — И. Н. — Будет помещена в одном из следующих номеров. Привет.

Белград. — В. Б. — Пишите еще. Привет.
Южин. — И. Б. — Получено. Привет.
Монтаржи. — Ф. К. — Будет напечатано. Привет.
Лион. — А. Л. — Все получено. Привет.
Польша. — А. С. — Получено. Привет.
Филадельфия. — Ч. — Получено. Не беспокойтесь, каждый получит то, что заслужит. Привет.
Нью-Йорк. — Е. Б. — Получено. Привет.
Париж. — А. Л. — Получено. Будет напечатано. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.

А. Чекин. Крагуевац.

Г. В. Алферов — Мраморак.

А. А. Гейман. Зајечар.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine.

Bukarest V.

А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

А. Кирьянов. Августов.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.

Н. Егоров. Лом.

Т. Л. Ляхов. София.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.

А. К. Ленинов. M-eur Lenivoff; Lyon.

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.

И. А. Болдырев. M-eur Boldyreff, UGINE.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons.

С. К. Поляков. M-eur S. Poliakov, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

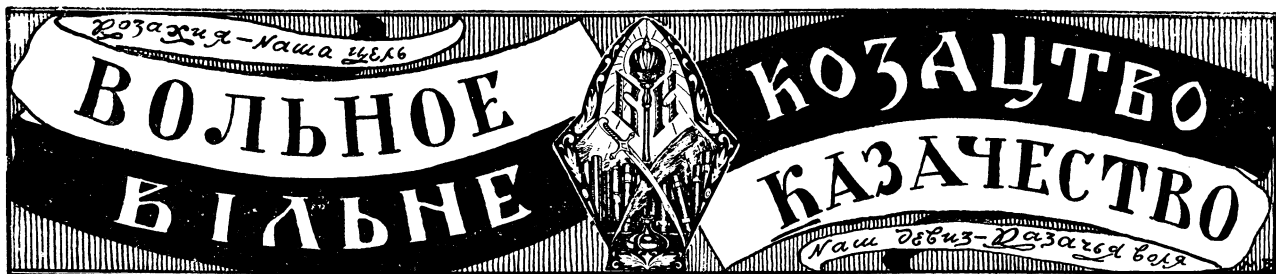
А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 101

Пятница, 25 марта, 1932 — Пятница, 25 березня, 1932.

№ 101

И. М. Назаров. (Княжевац).

100.

Посвящается редактору „В. К.“

Сто номеров — сто колокольных звонов
Зовут нас в храм любви к стране родной...
Один — кто доказал враждебность „их“ законов —
Он звал на месть, борьбу и бой.

И не напрасно звал. Не умирали звуки
Его колоколов. Из беспросветной мглы
К нему летела мысль, готовая на муки,
К нему со всех сторон слетались орлы.

— Другие где? — спросил Ведущий строго, —
Куда ушли? И думают — о чем?! —
И слышит он: Одни забыли Бога
И, вместе с ним, забыли обо всем;

Другие — за казной освоенной — в изгнании
Построили дома, хозяйства завели, —
Им дела нет до нашего страдания,
До слез и ужасов в степях родной земли...

А многие из нас совсем привыкли к плену —
По рабски жить и рабски падать в страх, —
В любви к родной стране увидели „измену“
И залегли, как зайцы в бурьянах...

Вот почему нас мало тут с тобою...
— Не мало нас! — ответил гордо он, —
Не счетом рать сильна — сильна своей душою,
Коль в ней огонь действительно зажжен...

Есть пылкая любовь, есть львиная нас лава,
В груди бойцов, создавших этот Храм,
Есть вера, что зовет нас дедовская слава
И воля-вольная... Чего ж бояться нам?..

Настанет день — мы сбросим шлем с лица
И встанем в рост, со всей кипящей местью,
С решимостью идти вперед и до конца —
Иль на щите, иль со щитом и честью!

Пусть много мук лежит в рассвете воли,
Без края — путь к отчизне в черной мгле...
И если смерть нас ждет — мы ляжем в чистом
А если жизнь — то на родной земле!.. [поле,

16 марта, 1932.

Борис Кундюков. (Белград).

П О Р Ы В.

Туда... Туда, где развернулись степи...
Где ковыли прижал лазурный небосвод...
Сорвем с себя неволи душевной цепи
И груз швырнем печалей и забот...

Душа дрожит, горит от нетерпенья...
Вскочив в седло — свободой я пьян...
От ветра свист в ушах, в груди — стон
наслажденья...
На дальний конь взбирается курган...

Какая ширь... Где край, и где начало!..
Обнять казачью степь расширил руки я...
Любить безумно сердце не устало, —
Любить Тебя, Казакия моя...

Любить за то, что эта вот природа
Вдохнула душу мне и силы мне дала,
И сыном сделала казачьего народа,
И кровь горячую мне в жилы налила...

С душой мятежною, порывами влекомый,
Перестрадал я все и мысль пускай молчит...
Смеясь, кричу и гик, коню знакомый,
Отвагою и вызовом звенит...

The free Cossacks.

The Cossacks belong to a separate partition of slavonic peoples of Eastern Europe. About two hundred years ago they had enjoyed political independence in their own republics.

Russian expansion broke that independence, the Cossacks having failed in their conflicts with Russia of Peter the I, later on of Catherine II.

Having incorporated the Cossacks into the unit of the Empire, the government of Russia during hundred and fifty years treated them as a „military class“. This policy of denationalization was applied with persistency and method. Its result was to make the Cossacks disappear from the intercourse of nations. Nowadays the world does not know anything about the Cossacks, but their fabulous bravery and valiancy in battle...

Yet we are on the eve of the day when the Cossacks would show to the entire world that nothing could have killed in them their true cossack spirit. In their resurrection they tend to regain their old place among neighbours and to defend it against every assault; but they don't wish to interfere with the right of these neighbours whose liberty they do respect.

The Cossacks have preserved their national individuality. They have a strong feeling of being another nation than Russians; they have kept to their country which was inhabited by their forefathers at distant times when the Moscow state did not yet begin its existence.

This feeling persists, notwithstanding the whole energy of the colonizatory efforts of the Empire. Presently it is exasperated by the cruelty of bolchevistic terror system which is a menace to the very physical being of the Cossack nation.

The more the tyranny rages, the more unyielding becomes the struggle of the Cossacks, the more stubbornness they develop to shake off the bolchevistic yoke. They have before them the aim of resuming independent life in creating their state — Cossackia.

*

In Soviet-Russia, as well as in the former Empire of the Tsars, the Cossacks are masters of the territory that has always been traditional cossack land. Having once occupied the South-East of Eastern Europe the Cossacks have gradually penetrated farther westwards and northwards forming their twelve regions. Six of them including the Kalmucks' territory, occupy a large superficie between the Don (the frontier with

Ukraina), the sea of Azov, Black sea, Caucasus mountains, Caspian sea and the southern ramifications of Ural mountains. Three cossack regions are in Siberia while the last three found their shelter in the Far East, beyond the Baikal.

The only function assigned to the Cossacks in pre-war Russia was a very rigorous military service on the landmarks of the empire. These conditions were hard, but still they didn't prevent the Cossacks to remain proud patriots and faithful sons of their beloved country. Old cossack customs and habits are truly kept by Cossacks wherever they live; these usages have such a great moral force upon them that they form a kind of link between Cossacks of different regions, they all being chums and brethren. The fact can be easily observed among the actual cossack emigrants in different european countries. Cossacks remain always and everywhere true to themselves.

What made the Cossacks feel so deeply their distinctness? It was due in a large part to their peculiar position in public life of the old Empire, as well as to their political role. What reason had the bulk of Cossacks to solidarize with Russia's interests?

The european division of the Cossacks — six regions — hold the south east of eastern Europe. It's a territory abounding in natural riches, whose superficie amounts to 900.000 square kilometres. Up from the second half of the last century these territories attracted a great influx of colonists from Ukraina and Russia. The migration was planned and supported by the russian government which meant to take hold of lands most precious for every kind of exploitation. These immigrants, the so-called „inogorodni“ have attained in some districts a total of population equal to that of native Cossacks. About 3/5 of the „inogorodni“ are of ukrainian origin.

In 1917, after the breakdown of the tsarism the Cossacks started constructing of their national life. The act of independence was proclaimed. Bolcheviks did not acknowledge that; a war ensued. The Cossacks have lost it — partly because of their own errors of organization, partly because of painful complication due to the activity of the white armies of generals Denikine and Vrangél. And last not least the tragical end was brought about by the Entente so absolutely ignoring the Cossacks' cause.

Red armies got hold of the cossack country. Their occupation is tending to an

aim perfectly clear in its conception: it is to denationalize the Cossacks, to destroy their whole frame of life, to banish the rebels in the woods of Arkhangelesk, at Solovky or in Siberia where they are predestined to perish. In this attack against the Cossacks the Bolcheviks exert themselves to root out the very name of Cossack, as it was obvious during the sovietic censuses.

Yet the most violent persecutions do not succeed in exterminating an ideal — the more when its abode is in souls so stubborn and strong as these of Cossacks. And the ideal is still alive. It is what inspires the Cossacks to striving, it is the idea of their liberated country that gives them strength. This dreamed of state should be built on federative lines, most largely conceived. Political autonomy perfectly guaranteed would supply all the citizens with equal rights. Every one of them — Cossack or „inogorodni” — should enjoy complete liberty.

There is no other way for Cossacks to achieve peace and orderly life than the way of political individualization. As a matter of course, their numerous population, vaste territories, favourable geographic situation and plenty of natural riches — all that is likely to create very auspicious conditions for constructing a national unit.

Supreme masters on the holy ground of their forefathers' country the Cossacks are imagining their future as a resurrection of the past in a new state — Cossackia.

The unity between Cossacks, the thought about their solidarity was always alive. It needed only a favourable moment for coming into new force. So far as in spring 1917, shortly after Tsar's abdication, a congress was convoked by Cossacks of all regins, then another, both at Petersburg. There a pan — cossack organization „The Union of Cossack regions” has been founded. About the same time some cossack republics were constituted (in autumn 1917) which formed a „South-East Unit”: that was a prototype of Cossackia in spe.

The war with the Bolcheviks has interrupted the process in its activity. Yet the conception became more and more fami-

liar in cossack circles. Once again it was this idea that inspired the convoking in 1920 at Ekaterinodar in the very heart of cossack lands the first Assembly „Verkhovny Kroug” (High Council) of Don, Coubagne and Terek.

The same aspirations manifest themselves in the movement „The free Cossacks” which has many adepts among the cossack refugees in Europe. The same ideal of national resurrection captivates the hearts of the best men of cossack emigration, as well as those of their brothers who suffer under the bolchevik yoke. The very popularity of the movement is due to its being no invented or new conception. „The free Cossacks” are simply taking the initiative of formulating the will Cossacks have to make their own life in their own country. To prove the Cossacks to be able of creating an independent state „The free Cossacks” refer not only to arguments of a moral, political and economical character, but also to testimonies of cossack history. For many eloquent documents have recently been „discovered” under the dense stratum of official russian archives.

The cossack nationality is resting on traditions that have their origine in very distant times. During the revolution of 1917 and later on these traditions had their period of magnificent bloom. And, when time comes these beautiful traditions will revive again and inspired by them the Cossacks shall start rebuilding life in their beloved country. They will have the help of the whole population which, deeply attached to the land, would form a great nation. Being very tolerant by nature the Cossacks are not likely to practise any pressure on the minorities; therefore the unity might be free, without any denationalization for people of distinct race.

It's in this way that the adepts of „The free Cossacks” are dreaming of the future in their country: a union, acquired by own cossack force and strengthened by cooperation of other citizen enjoying the same rights and having the same duties.

These are the aims traced in the design of constitution which in its details has been published in the last numbers of our review.

Редакция „В. К.” настоящим искренне благодарит всех тех, кто поздравил ее с юбилеем 100 номера.

К сожалению, мы не можем, после того, как недавно отвели почти два номера поздравлениям, полученным нами к празднику 10 декабря, печатать всех приветствий, полученных нами и к 100 номеру, хотя многие и заслуживали бы быть опубликованными.

Посылая всем вольным казакам привет, приглашаем их к еще более дружной работе для достижения поставленной первыми ста номерами нашего журнала цели.

А всем казакам повторяем еще раз:

Казачеству — одна дорога: Вольноказачья Дорога. Собирайтесь все на эту свою дорогу и не доверяйте больше тем, кто однажды уже обманул ваши надежды!

Идея вольного казачества в XIX веке.

Под таким общим заголовком редакция нашего журнала получает в свое распоряжение для напечатания в „В. К.“ ряд статей на отдельные темы, но являющиеся по существу отдельными главами одной работы автора их о развитии идеи вольного Казачества, как среди самого Казачества, так и в самых разнообразных русских, украинских и др. иностранных кругах.

Статьи эти посвящены следующим вопросам:

1. Польское казакофильство первой трети XIX века.
2. Великорусское казакофильство (Рылеев, Пушкин, Огарев, Кукольник, Сухоруков, Турчанинов, рядовое донское казачество; петрашевцы).
3. Украинское казакофильство (Котляревский, Максимович, Маркевич, Метлинский и др. Кирило-Мефодиевцы [1847 г.]: Шевченко, Костомаров, Кулиш, Андруцкий).
4. Чайковский — первый теоретик единого вольного казачества (его планы Казакии, участие в восстании 1831 г., его проповедь казачьих идей во Франции, его казачьи типы в литературе (Вернигора, „странствующий казак“ и др.); его пропаганда в Турции).
5. Французское казакофильство (Наполеоновская идея и Казачество, Лесюр, Писсо, Мериме и др.)
6. Немецкое и английское казакофильство.
7. Польские эмигранты и Казачество до Крымской войны (Чайковский у Некрасовцев в Малой Азии и на Дунае; деятельность агентов кн. Адама Чарторыйского; Ганчар; старообрядцы; попытки пропаганды на Дону и на Кубани).
8. Крымская война и создание турецкого казачества (Планы Чайковского, частичное их осуществление, организация казачьего и драгунского полков, попытки на Кавказе, политика держав).
9. Казакофильская пропаганда и конец турецкого казачества (Чайковский и его сотрудники, противодействие польской эмиграции; последние годы и ликвидация казаков в Турции).
10. Герцен, Огарев, Бакунин и Казачество („Колокол“ и казаки; Ганчар в Лондоне; казачье-старообрядческие дела 1857-1863 г. г.; планы Бакунина).
11. Великорусские революционеры и планы восстания на Дону в 60-х годах.
12. Казакофильство украинских хлопоманов начала

60-х годов (Чубинский, Антонович, Ст. Руданский, галицкая молодежь).

13. Польские планы и 1863 год (Мерославский, „ржонд народowy“; Чайковский в Турции; волнения на Кубани; казанский заговор; русская „Земля и Воля“ 1863 г.).

14. Кельсиев (Деятельность его в Лондоне и на Дунае; еще раз Некрасовцы и старообрядцы).

15. Вопрос о Казачестве в польской, российской и украинской печати в 70-х годах (Разочарование польской эмиграции; деятельность супругов Духинских; русские революционные надежды на казаков; полемика Костомарова и Кулиша; Антонович о Казачестве и гайдамачестве; Драгоманов).

16. Землеvolцы и казачьи волнения на Дону в 1878 году (по вновь опубликованным материалам).

17. Положение вопроса в конце XIX века.

— Предупреждаем: автор этих статей не разделяет нашей вольноказачьей программы; сами статьи писаны вначале не для „В. К.“ Само понятие вольного казачества у автора не совпадает, с тем содержанием, какое вкладываем ныне мы в него, строя свою политически-государственную программу Казакии на будущее. Возможно, далее, что автор будет расходиться с нами в освещении разных событий исторического прошлого или будет делать выводы и заключения, отличные от выводов и заключений наших. Тем не менее, фактическая сторона предлагаемых очерков настолько интересна и, правду скажем, для современных не только вольных, а вообще всех казаков, является таким откровением, что мы весьма охотно пускаем их на свои страницы. Читателям же своим предлагаем отнестись к ним так же, как отнеслись казаки к книге С. Г. Сватикова „Россия и Дон“ — фактическую сторону используем, а выводы сделаем свои.

Сделаю эту общую оговорку, мы в отдельных случаях, в каждой статье автора, печатающегося у нас под псевдонимом „Чужинец“, в необходимых случаях, будем делать конкретные оговорки по существу, но, именно в силу этого общего предупреждения, сведем их к самому минимальному количеству.

Статьи будут печататься в том приблизительно порядке, в каком они перечислены выше, и в настоящем номере „В. К.“ мы помещаем первую из них.

Чужинец.

Польское казакофильство в первой трети XIX-го века.

После уничтожения в 1775 г. Сечи Запорожской, а в 1765 г. слободских украинских полков; после отмены в 1764 г. „гетманского регимента“ (правления) на Украине и разгрома в 1775 г. автономного управления на Дону и на Яике, вольное казачество этих краев утрачивает последние остатки государственной организации казачьих республик Дона, Яика, Запорожья и Украины. Но память о славном прошлом казачества живет в памяти народа, сохраняется в песнях и былинах на Дону, в народных думах на Украине, в Черноморьи. Именно этим песням и думам обязан своим появлением и пышным расцветом своеобразный казачий романтизм, начало которого относится к 20-м годам XIX-го века и отзвуки которого чувствуются до наших дней. Романтизм этот заключается в идеализации казачьего прошлого, вольной жизни каждого казака, независимого государственного бытия казачьих держав, свободной государственной организации казачьих республик, народолюбивого и свобододолюбивого характера казачьих и руководимых казачеством народных движений.

Романтическое казакофильство проявляется сразу у трех народов: у русских, у украинцев и у поляков! Сравнивая литературные движения этих трех великих славянских народов, приходится, как это не странно,

поставить на первом месте поляков. Казачество — явление чисто русское*) не польское. Казачьи республики Дона, Яика, Терека, Гребней созданы казачеством великорусским. Войско Запорожское, в периоде борьбы с польской государственностью организовавшееся в гетманскую Украину, а равно и Сечь Запорожская — суть республики украинские. А между тем первые призывы к изучению казачества, первые восторги перед казачьим прошлым слышатся из уст поляков. Причина этого, может быть, в том, что Польша на один шаг ближе к Европе, чем Россия и Украина.

Именно, в Польше раздался первый призыв к изучению народа из уст Колонаты, который в 1802 г. указал на необходимость изучения „идиом“ (наречий) обитателей Польши, их народных песен, преданий и, даже, предсудков. Именно, польский поэт Немцевич написал первый и издал в свет „Спевы гисторычны“ (Исторические песни), воспользовавшись формой и размером украинских народных дум, но наполнив их польским

*) От ред. У казаков, знающих свою историю, такие утверждения автора, как: „казачество — явление чисто русское“, „казачество великорусское“ и т. п. могут вызывать только улыбку, ибо все мы уже знаем, что Казачество — явление чисто... казачье.

национальным содержанием. Эти „Спевы“ оказали затем свое влияние на Рылеева и Пушкина.

Именно в польской литературе создавалась в 20-х годах XIX века т. наз. „украинская школа“, т. е. группа польских поэтов, воспевавших на польском языке Украину и, в особенности, казачество и его прошлое. Историк украинской литературы С. А. Ефремов отмечает, что еще в 1620 году вышли в Польше „вириши“, воспевавшие казаков:

„Тех отчизна — весь свет,
дом — вся країна,
„Нож — отец родной, мать —
— Украина“...

Поэты-романтики, начавшие воспевать Украину, были добрыми поляками, интерес их к украинцам и к казачеству явился в результате двух обстоятельств: все они, во-первых, были уроженцами правобережной Украины, бывшей в течение веков в державном обладании Польши и продолжавшей, несмотря на переход в российское державное обладание, быть в полной социальной, экономической и культурной зависимости от Польши. Во-вторых, они, следуя заветам новой школы — романтической, — хотели положить в основу поэзии своей — народность. Но „народ“, окружавший их с детства, был не польский, а украинский народ, а народная поэзия этого „простого народа“ была пропитана любовью к Украине, к казачеству, к недавней еще „гетманщине“. Первое „хождение в народ“ польских паньчех на Украине было погружением в великую, могучую, народно-творческую стихию великого украинского народа. Удивительно-ли, что чуткие души молодых поэтов были очарованы, на всю жизнь покорены поэзией края, в котором они родились, поэзией народа, среди которого они воспитывались и выросли. Удивительно-ли, что они создали поэтические образы, которые и теперь столет спустя, волнуют читателя любящего казачество. Увы! так мало русских, так мало казаков, читавших этих забытых уже в Польше поэтов.

Средняя школа, в которой воспитывались будущие поэты „украинской“ (польской) школы, укрепила в них впечатления, полученные от природы Украины и ее народа. В числе преподавателей средней школы на Украине (в школе „отцов-пиаров“ на Волыни в Межиречье-Корецком, впоследствии Волынском Лицее; в Кременецком Лицее; в школе „отцов-базилан“ (униатов) в Умани) были не только украинцы, но и поляки, пропитавшиеся традициями казачьей державности, казачьего духа и украинофильства. Это были, как говорит Чайковский о своих учителях в Межиречье, „завзятые украинофилы, читавшие ученикам „Запорожскую Старину“, „Золотую думу о гетманах Украины“ и т. п.

В 1810-1820-х годах профессора Межиреческого Лицея, в присутствии старших воспитанников, вели споры о казачестве. Одни стояли за поднятие уровня казачества, как рыцарского ордена, который должен стать для славянства тем, чем меченосцы были для германцев, тамплиеры и мальтийские рыцари для латинских народностей. Казачьи заветы могут сообщить воинские доблести русскому и польскому дворянству.

Казак, проповедывали они, это рыцарь, шляхтич, а Русь — это „мужичество“ (мужиче?!), толпа, громада, чернь, сброд. Другие возражали, что все люди равны, вспоминали учреждения Великого Новгорода, древние уставы старого Киева.

— „Долой шляхетство и казачество, мы желаем русской Грамоты, Золотой Грамоты, свободы, равенства, местного самоуправления и основанной на нем политической свободы. Мы хотим Руси“...

Первые отвечали: „Без Казачества и шляхты у вас будет народовластие Гонты и Железняка“...*)

Вторые возражали: — „Ваше казачество — это кнут в руках царя, несчастье для народа“.

Согласились, что все зло можно исправить „все-славянством“, столицей которого должен быть старый Киев. Кто будет им владеть и образует из него столицу, тот будет властелином стомиллионного Славянства.**)

*) Вожди гайдамацкого, селянского восстания против поляков, панов и евреев в 1768 году.

**) „Русск.Старина“, 1895, № 11, стр. 171-172.

Однако, чисто казачьи традиции были сильнее всех остальных, и из Волынского лицея 1810—1820 г. г. вышла идея объединения всех казаков в единое великое целое, величайшим проповедником коей явился М. Чайковский.**) В Волынском же лицее обучались Т. Падура, А. Мальчешский, Олизаровский. Из уманской школы отцов-базилан вышли: глава „украинской школы“ Богдан Залесский, певец гайдамаков Северин Гошинский и литературный теоретик М. Грабовский.

Первым певцом казачества был А. Мальчешский, или как зовут его русские — Мальчевский. Уроженец Волыни, умерший молодым (1793—1826), он издал в 1825 г. в Варшаве единственную книгу: „Мария. Повесть украинская“, в которой воспел т. н. „надворного“ казака,**) его любовь к свободе. „Гей ты, на пибком коне куда скачешь, казаче!“ — спрашивал поэт. „Иль завидел зайца, что по полю скачет? Иль, разыгравшись мыслию, хочешь добиться свободы и с ветром украинским пуститься вперегонки?“ Первый воспевавший „дикую волю казачью“, — Мальчешский нашел многих подражателей.

Богдан Залесский, родившийся в Тарашанском уезде в 1802 г. и умерший на чужбине, после 55 лет изгнания (1831—1886), был целою головою выше других поэтов „украинской школы.“ Из „Спевов гисторичных“ Немцевича (1816 г.) он воспринял мысль о притеснении казачества польскими панами; из „Описа старожитней Польши“ Свенцкого он вынес убеждение о верности казаков королям и Польше. Казачество отшатнулось от Польши вследствие притеснений, свобода его вернет Польше. Поэтому, полагал Залесский, казачий идеал в том, что „Польша должна быть союзом свободных и равноправных народов.“

Залесский воспева гетманских и запорожских казаков, верных Польше, вместе с нею ведущих борьбу с турками и татарами. Его перу принадлежит одно из лучших описаний казачьих морских набегов на Анатолию (Конашевича на Синоп в 1614 г.):

„Чайки, чайки, Сечь пред нами —
Вот наш брег, родное знамя...
Далеко-ж, за морем Черным
Гаснет уж пожаров пламя“...

Казачеству посвящены были книги Залесского „Думка Мазепы“ (1825), „Дух от степи“ (1843) и др. Украину же воспева он до гроба.

Третий видный поэт этой школы Северин Гошинский (1801—1876) воспел гайдамаков и их восстание 1768 г. („Ночь в Софиевке“, „Каневский замок“).

Четвертый — Томаш (он звал себя Тымко) Падура (1801—1871) писал не только по польски, но и по украински. „Дикая вольность“ казачья, совместная борьба казаков и поляков и всегдашний союз их против общих врагов, — вот темы Падуры. Вот как рисует он казака:

„Його слеза не спиняє,
Він не любить лестних слів;
Що там в небі — те не знає,
А на землі знає — кровь...
Сам, як дикий син природи,
Де покаже мстиву твар,
Красять землю, красять води
Крови річки і пожар...“
(„Козак“).

В таком же энергичном тоне обращался Падура к „диким сынам природы“ с призывом сражаться за „свободу“, не определяя, впрочем, в чем же состоит эта свобода:

„Гей, козаче, в божій час!
Вже голосить в церкві дзвін;
Кому вільність мила з вас,
За ворогом на здогін!
Гей, козаче, на врага,
Гурра-га, гурра-га!“

Падура напоминал казакам об их славном прошлом и звал на борьбу с Россией и к союзу с Польшей:

*) Ему мы посвящаем три особых статьи.

**) „Надворными“ казаками звали казаков, живших при панском дворе для охраны.

„З віка вільні і свавільні
Не пускали шабель з рук...
Ми-ж то царство, господарство
Роскидали з-під копит...
Вольних внуки, злучім руки,
А сила все зможе!
І верне власть і славу дасть
Вільне Запорожжє!..“

Поэт помнил лишь о тех временах, когда поляки и казаки сражались под одним знаменем:

„Идна мати, йдна хата,
Разом в полі ставав кіш,
З ляхом билось, з ляхом жилось,
В йднім горшку прів куліш...“

К Падуре в особенности можно отнести характеристику украинской школы, данную ей С. А. Ефремовым: героем ее является „казачество, но не настоящее казачество с его посягающей борьбой с тою же Польшею за политическую, социальную и национальную свободу, а казачество, взятое из фантазии и раскрашенное небывалыми красками“.

Падура оказался не только поэтом, но и энергичным политиком. Он был одним из тех, кто вел переговоры с декабристами; он же один из первых оценивший национальное значение поэзии Котляревского для Украины, хотел привлечь его на сторону Польши. Во время Крымской войны мы увидим его имя в числе сотрудников Чайковского в деле литературной пропаганды вольного казачества.

Бесконечно популярный в польских помещичьих кругах Украины, придворный бард магната-казакофила Вацлава Ржевусского, Падура не в силах был завоевать украинскую народную аудиторию. В своих думах он воспевал Конашевича, Сірка, Тетерю, но обходил Хмельницкого и борьбу с Польшей.

Одним из более поздних польских романтиков - казакофилов был К. Гейнс, издавший в 1842 г. в Киеве историческую оперу на малоросийском языке: „Возвращение запорожцев из Трапезонда“. Гейнс также идеализировал казачью жизнь:

„Козакові нема біді,
Весел гуляє завсіді.
З чайки на конь, з конем в поле,
Січе, ріже, рубить, коле...“

Один из крупнейших польских поэтов Юлий Словацкий, хотя и не был причисляем критикой к украинской школе, но много писал о казаках. В 1826 г. он издал „Думу украинскую“, в 1834 г. „Мазелю“. Он не идеализировал польско-казацких отношений и отгораживался от тех, кого звал „козакопонецяржами“ (писателями казацких повестей), но воспел походы казаков на Царьград. Как и у Чайковского, в его поэзии воспеваются верный Польше казак Вернигора. И у него пророчества о грядущей вольности казачьей связаны с „Яром Гончарихи“. Вернигора восклицает (у Словацкого):

„Bo ja nie kozak jeno duch piekely,
Bo ja nie sluga, lecz brat jestem panów,
A sam nie hetman, ale duch hetmanów —
Bo ja nie smertny, ale nie smiertelny...“

Итак, Вернигора это — мистический „дух гетманов“ вольного казачества, верного Польше. Прав профессор Нежинского Института народного образования Евг. Рихлик, причисляющий и Словацкого к поэтам-казакофилам.

К украинской школе можно причислить еще Рухавку, автора „Песни казачьей“ (1825 г.); украинского уроженца Александра Грозу (1807—1875); польско-украинского этнографа Эр. Изопольского, напечатавшего, в 1840-х годах, в „Athenaeum'e“ Крашевского „Спевы гисторычны Украины“ из казачьей эпохи до Хмельницкого.

Наконец, автором многочисленных романов из казачьей эпохи, статей о казачестве и литературно-критическим глашатаям украинской школы был вольный уроженец Мих. Грабовский (1804—1863). Он не принял, в отличие от своих товарищей по гимназии Залесского и Гоциньского, участие в польской революции 1831 года, полагая, что „все поляки должны идти с славянскими народами, а их ближайшие исторические

соседи — Русские и Малороссы“. Казачьи романы его выходили в России: „Рассказы куренного“, „Станица Гуляйпольская“, „Колывщина в степи“, „Украина белая и теперешняя“, а также сборник стихов „Украинские мелодии“.

В своей „Литературе и критике“, т. I, 1839 г. Грабовский отметил заслуги украинской школы, но критиковал „балетных казаков“ Залесского и Крашевского. Все эти „безжурные (беспечальные) отчадушники“, все эти казаки, — замечает он с иронией — „велики, всеобъемлющи, хотя и грубы“. Однако, сам же Грабовский идеализирует в своих романах казачьи верхи и их культурность, которой они обязаны связью их с польско-шляхетской культурой. И Грабовскому не охота касаться Хмельниччины и расхождения поляков с украинским казачеством.

Причина этой односторонней оценки казачества заключалась в том, что польские поэты „украинской“ школы были горячими польскими патриотами, желавшими возрождения исторической Польши в границах 1772 года. Подолье, Волинь, Украину они считали провинциями Польши, отторгнутыми от нее Россией и „москалями“. Уроженцы Украины, они не знали лучшего края, чем их родина, но жителей Украины они считали разнородностью поляков, украинский язык — местным наречием. Романтическая догма повелевала им любить „народ“, изучать его прошлое, воспевать его подвиги, возрождать и хранить его песню. А молодое горячее сердце, раскрывшееся для любви не только к отвлеченной „матке ойчизне“, но и к реальному родному краю и к реальному живому народу, впечатления детства, очарование краевой (т. е. украинской) народной поэзии — все это придало местным польским романтикам, народникам, демократам, характер поэтов украинских, но мыслящих и пишущих по польски. Героем украинской поэзии был вольный казак, „лицарь“ Креста Христова и свободы. Лучшим строем жизни в мечтах и песне украинца был строй казачий. Казачьи подвиги наполняли собою народные думы. Курганы говорили о былой казачьей славе.

И вот — казак стал идеалом и героем романтических поэм, казак брат и товарищ шляхтича, союзник и слуга Польши. Из-за этого романтического казака не было видно и не было слышно реальных, работавших на панщине, крепостных украинцев. Из-за исторической романтики и казачьей мании не было видно долгой национальной, социальной, религиозной борьбы Украины против Польши.

Более чуткие и демократические польские „укаинофилы“ готовы были признать украинскую „мову“ не только провинциальным польским наречием, но и языком, проповедовавшим возрождение казачьей державы и союз всех казачьих Войск от Днепра до Яика, с Доном и Черноморьем, но непременно в теснейшем союзе с Польшею и Литвою, и вне Империи Всероссийской.

Сами поляки отнеслись сдержанно к „укаинизму“ части своих поэтов, как в Варшаве (до 1831 г.), так и в эмиграции (с 1831 г.). Оставшийся в России польский писатель Юзеф Крашевский звал „укаинизм“ романтиков „моральной болезнью XIX-го века“ (в „Tygodniku Petersburgskiem“ 1839 г.). Адам Мицкевич, любивший Залесского и ценивший в „укаинофилах“ — романтиках добрых польских патриотов и революционеров, писал о них в 1838 г.: „Наши „укаинцы“, как сели на Богдана, да так себе и идут, покрывая: „гоп-гоп“ да „цоб-цоб“, так что мне уже под конец совсем прискучили. Ну, куда к черту, чтоб уж так-таки ничего нового им и на ум не пришло. Хотя-бы уж кто нибудь написал-бы что нибудь про „гоп-гоп“, чтобы этих писарчуков ссадить с украинского коня...“

И все истории польской литературы относились с некоторым холодком к „укаинизму“ польско-украинской школы, вплоть до новейших писателей в этой области (Третьяка, Корбута и т. д.). Зато на украинскую интеллигентную молодежь 30—40-х г. г., а позже и на молодых „хлопоманов“, на Шевченко, Кулиша и др. писателей „казакофильство“ Залесского, Чайковского и др. произвело сильнейшее впечатление. В то время, когда в польской литературе „украинская школа“ пошла на убыль в конце 30-х г. г., а в 40-х годах уже

почти совсем замерла, интерес к ней не умирал в украинских кругах и с особой силой возродился теперь, в связи со столетним юбилеем ее возникновения (1925). Познакомившись с деятельностью и творчеством М. Чайковского, мы поймем и оценим полностью значение этой „школы“ в истории развития идеи вольного казачества.

К числу польско-казакофильских движений первой половины XIX-го века надо отнести и т. наз. „балагульство“ 30—40-х г. г. Оно народилось вскоре после подавления польского восстания 1831 г. Среди помещичьей польской молодежи, принимавшей некоторое участие в событиях бурного 1831-го года, оторвавшейся от ученья, привыкшей к беспорядочному образу жизни, оценившей прелести простых и несложных деревенских удовольствий в обществе дворовых или дворянских („надворных“) казаков. В то время, когда старшее поколение, подавленное репрессиями русского правительства, внешней покорностью спасало себя от ссылки и тюрьмы, а имения от конфискации, молодежь стала искать исхода своим чувствам в молодечестве, кутежах, раз'ездах по ярмаркам в компании с дворнею. Панычи надевали крестьянские и казацкие костюмы, братались и, особенно, пили за компанию с простонародьем, устраивали смешные, а иногда и жестокие шутки. Так как „простой народ“, с которым братались, чьими песнями восхищались „балагулы“, был народ украинский, с поэзией, посвященной казачеству, то казачество стало идеалом „балагул“, казачество вольное, дикое, анархическое.

У „балагул“ появился свой поэт и „король“, Антоний Шашкевич, из подольской шляхты. Ему приписывали большинство стихов, сочиненных в эту эпоху поляками по украински. Вот пример этого творчества:

„Ой, я — козак, звуся Воля,

„Українець з Гуляй-Поля!

„З роду, з віку не знав пана

„Окрім коша, отамана“...

В этом стихотворении так и чувствуется ритм гопака; к сожалению, все остальные куплеты не имеют общественно-политического смысла. В другом стихотворении говорилось: „вже більше літ з двісті, як козак в неволі“...

Если украинцы до сих пор с некоторой мягкостью поминуют „балагул“, которым в левобережной Украине соответствовали т. наз. „мочеморды“, из за украинофильства и казакофильства помещичьей молодежи, то поляки строго относились к „балагулам“. Им не понравился и демократизм „балагул“, и их пьяное буйство, и казацко-украинофильский уклон. Смешанная компания польских панычей, сыновей украинских приказчиков („официалистов“) в польских имениях, дворянских казаков, окруженных еврейскими факторами, с шумом и громом носящаяся по ярмаркам, вызвала в 1841 г. у Генрика Ржевуского такой отзыв: „барагольство“ это „tulism“, („лошадничество“), порожденное неуклюжими выходками старого польского шалопайничества, „надворного казачества“, татарского молодечества и жидовского мошенничества“; Калинка же в 1859 г. объяснял балагульство 1834—1844 годов „дармоедством неучей из шляхетской молодежи на Украине“.

„Ярмарочная хвороба“ обратила на себя, наконец, внимание начальства, и Шашкевич был в 1838 г. арестован и доставлен к киевскому генерал-губернатору. „Это вас зовут королем балагул?“ — спросил Бибииков у Шашкевича. — „Да, — ответил тот, — но я слагаю свой скипетр в ваши руки“. Бибииков, сам не дурак выпить, рассмеялся и отпустил Шашкевича с миром.

Между тем, мечты о возрождении вольного казачества даже у польской молодежи, не говоря об украинской, все более склонялись к возрождению вольной казацкой державы, Гетманины, „Гетмани“, приобретали политический характер.

И грубое казакофильство „балагул“, и поэтическая идеализация казачества „украинской школы“ польских писателей не прошли бесследно.

Если в России из „балагул“ выдвинулись поэты А. Шашкевич и Горбковский, то в Австрии, в Галичине, мы видим в 40-х г. г. польского поэта Ценглевича, который пишет по украински. Но он еще меньше, чем

„балагулы“, — казакофил. Шашкевич брал более темы из жизни крестьянства, вообще, или писал чисто лирические стихи, вроде:

„Ой, дівчина, страх богата:

„В неї батько, мати є,

„Є у неї своя хата,

„У тій хаті всього є.

„А я — бідний сиротина,

„Степ лиш мені рідний брат,

„Шабля, бурка — вся й родина,

„Сивий коник то мій сват“...

Здесь казак — просто вздыхатель, чувствующий, что ему, бедняку, не пара дочь домовитого крестьянина.

Однако, Шашкевич и его товарищи в правобережной Украине усиленно распространяли в народе песни и стихи Падур и других „казакофилов“. Ценглевич в Галичине звал русинов к крестьянскому восстанию, но не против помещиков, которыми были поляки, а против врагов польского народа, ссылаясь на пример польского восстания 1831 г.:

„Далій, братя, в руки коси!

„Лях нам красний приклад дав.

„Вже вольности брягніть голоси —

„Довго Русин, довго спав!

„Далій, хлопці, на врага!

„Гурра-га! Гурра-га!

„Лях нам хоче братом бути,

„З Ляхом, братя, з Ляхом враз!

„А не буде навіть чути,

„Що пси Німці були в нас...

„Далій, хлопці, на врага!

„Гурра-га! Гурра-га!...

Подводя итоги польскому казакофильству первой половины XIX века, мы должны признать, что это было чисто польское национально-патриотическое движение. Оно создалось из следующих основных частей: 1) любовь к родному краю, Украине — провинции бывшего польского государства; 2) любовь к простому народу, коим оказывался народ украинский; 3) мечты о возрождении независимой и свободной Польши в ее максимальных исторических границах (со включением Литвы, Белоруссии, Украины, Запорожья и берегов Черного моря); 4) мечты о свободе политической в государстве Польском; 5) проникновение поэзией казачьего прошлого и идеализация казачества и гетманщины, как подвластной Польше казачьей державы; 6) желание использовать возрожденное казачество как союзника в борьбе против Российской империи во имя освобождения и объединения Польши.

Закрывши глаза на подлинную историю взаимоотношений Польши и Украины, стараясь забыть об эпохе Хмельницкого, забывая об украинском „хлопе“ на паншине, польские романтики прославляли казака-рыцаря, защитника христианства, казака-воина, заставлявшего трепетать Крым и могущественную Турцию; казака-друга и верного союзника Польши и польского народа. Наивысшей формой национального самоотвержения для польского патриота-романтика была готовность согласиться на отторжение от Польши части ее украинских провинций, на создание казачьей державы, на федеративный союз этой Гетманины с Польшей; наконец, готовность согласиться на полное отторжение от Польши возрожденной гетманщины и оказать содействие возрождению казачьих республик Дона, Урала, Терека, — образованию из служилых казачьих войск — вольных республик, лишь-бы была взорвана и разбита на куски громада Российской Империи, этого главного препятствия на пути польской свободы и национальной независимости.

P. S. Материалы к статье: „Польское казакофильство“:

а) Украинская, школа польской поэзии: Korbut „Literatura polska“ t. III, Warszawa, 1930, passim; Tretiak „Bohd. Zaleski (1802—1831)“, Krakow, 1911; Пыпин „История русской этнографии“; Ефремов С. „История укр. письменства“ 1911; Козловский „Польские романтики „украин. школы“, „Голос Минувшего“, 1913 № 2 и № 8; Мочульский „Україн. школа. Умовини її появи в Пол. літературі“, „Україна“, 1917, № 1—2;

Гнатюк „Впливи Максимовича на польсько-українську школу“, „Україна“, 1927, № 6 (25); Рихлик „З нової літератури про „Польсько-Укр. школу“, „Україна“ 1927, № 5 (24).

б) Отдельные представители польского казакофильства: Ujejski „A. Malczeski (1793—1826)“, Warszawa, 1929; Мочульский „В століття „Марії“ Мальчевського“, „Україна“, 1925 № 3 (12); Козловский „Пол. романтики. I. Северин Гошинский“, „Гол. Мин.“, 1913, № 2; Wasilewski „Sladami Mickiewicza“, Lwów, 1908; Wasilewski „Od romantikow do Kasprowicza“, Lwów, 1907; также у Третьяка, цит. соч.; о Залесском. Третьяк, 1911 г.; Колеса „Укр. народ. пісні в поезіях Б. Заліського“, „Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, ч. I; Евшан „Б. З.“, в „Літер.-Наук. Вістник“, 1912, к. III; также Козловский, „Гол. Мин“. 1913 № 8; Tymko Padura „Pysma“, Lwów, 1874, о нем:

Драгоманов „Нові укр. пісні“, Женева, 1881; Марковский „Powrót Zaporozców z Trebizundy“ К. Гейсна „Україна“, 1926, № 5 (19); Проф. Евген Рихлик „Укр. мотиви в поезії Юл. Словацького“, „Записки Ніжинського Інституту народн. освіти“, кн. VIII (1928) и IX (1929); Aleksander Groza „Pisma“, t. I i II, Wilno, 1858; M. Grabowski „Literatura i krytyka“, Wilno, 1837—1840, t. I i III; T. Grabowski „Mich. Grabowski“, Kraków 1901.

с) „Балагулы“: Драгоманов „Евреи и поляки в Юго-Запад. крае“, „Вестн. Европы“, 1875, № 7 и в „Политич. сочин.“, т. I, Москва, 1908; его же „Нові укр. пісні“, Ж. 1881; Пыпин, цит. соч.; Ефремов С., цит. соч.; „Громада“ укр. збірка, Женева, т. IV; „Матеріали“ Ю. З. Отд. Имп. Геогр. Общ., собр. Чубинским, т. VII; „Древ. и Нов. Россия“ 1879 № 5 (Шульгин); „Записки Наук. Тов. ім. Шевч.“, т. 57 (Франко).

Шамба Балинов.

Сборник противоречий и афишировка „авторитетом“.

(Мысли, высказанные на докладе Харламова).

Бывают разные способы борьбы со своими политическими противниками, но главные из них три: умалчивание, так сказать — полное игнорирование; высмеивание — кроме иронии, мол, не заслуживают ничего другого и, наконец, „вынужденное снисхождение“ до прямой борьбы.

К этой третьей стадии борьбы, без успеха испробовав первые два „способа“, пришли и противники В. К. в настоящее время.

Сначала наши казаки „высокие“ сановники, находящиеся во власти сомнений, полагали, что вольно-казачье движение, не успев родиться, умрет своей естественной смертью, ибо оно начато, мол, не людьми, а „забубенными головушками“ и не имеет никаких корней в казачьей массе. Поэтому они из за боязни, как бы своим высоким вмешательством не укрепить это движение, предпочитали вначале молчать и ожидать его смерти. Но В. К., вместо смерти, стало все увеличиваться, укрепляться. Молчать стало неудобно нашим „высоким“ противникам. Они вынуждены были заговорить о нем, а потому они стали скватывать отдельные неудачные выражения из статей вольных казаков и поэтому поводу иронизировать, насмехаться: смотрите, мол, какие дурачки. Этот способ борьбы не принес им пользы. Идея В. К. стала захватывать все большие массы. Не втерпев стало нашим противникам, постепенно приближающимся к полной изоляции, к окончательному отходу от них казаков. И вот на позицию выкатилась тяжелая артиллерия в виде почтенного, седовласого В. А. Харламова, который, как он сам заявил, „обязан разрушать наивную веру казаков, их тщетную иллюзию“, другими словами, он пришел убить в душах казаков самое дорогое, святое, что поддерживает их в тяжкие дни изгнания, что вселяет им силу для преодоления тяжких дней изгнания — святую веру в возрождение Казачества.

Кто с такой дьявольской целью пришел к казакам, тот должен выслушать и достойный ответ от тех, у кого он собирается вырвать их живое сердце. Цель его, конечно, страшная, но нам совсем не страшно, ибо он пользуется совершенно негодными средствами. Артиллерия то тяжелая, но заряд ее холостой и выстрел ее не может ранить тех, против кого он направлен. А если кого и ранит, то — „отдачей“ — только того, кто такими холостыми патронами стреляет.

В самом деле, весь его доклад состоял из одних противоречий. Разрешите мне начать именно с критики его „критики“ и представить вам, как он так легко заблудился между трех сосен.

Он начал с утверждения, что самостийное движение — явление совершенно новое, казачеству неизвестное; что самостийники, сисяя хоть какнибудь обосновать свое положение, „извращают, искажают казачью историю, как древнейшую, так и ближайшую“.

Так ли это? Я ни таким „высоким“ авторитетом, как докладчик, ни его красноречием, ни его 25-ти летним опытом говорить не обладаю. Я — простой казак, а потому, чтоб не навязывать вам свое мнение, постараюсь „положения“ докладчика представить перед вами в совершенно ином виде ссылками на слова не менее докладчика авторитетных лиц и уличить его, что настоящим искажителем казачьей истории, как далекой, так и близкой, является ни кто иной, как сам почтенный докладчик.

Итак, приступаю к цитатам.

Открывая в мае 1917 года 1-й Большой Войсковой Круг, председатель его, покойный Донской Баян — М. П. Богаевский, сказал: „Объявляю после 193 летнего перерыва 1-й Большой Войсковой Круг открытым“ и... на глазах казаков появляются слезы.

Вы совершенно правильно спросите: а что же было 193 года тому назад, что тогда было прервано, что в 1917 году возобновилось? На этот вопрос, уже давно, точно и ясно, в недопускающей никакого иного толкования форме, ответил присутствующий сегодня здесь почтенный проф. Сватиков. Разрешите процитировать его книгу „Россия и Дон“: „Войско Донское представляло из себя в XVI—XVII в.в. демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть“...

Как видите, если кто далекою казачью историю „искажил“, так сделали это покойный М. П. Богаевский и живой проф. Сватиков. Докладчик свое обвинение в искажении казачьей истории должен адресовать к ним, а не к нам, самостийникам!

Возьмем ближайшую казачью историю. Самостийники говорят, что в 1918—1920 г.г. казаки боролись с большевиками за свои казачьи границы, за свою государственную независимость. — „Не верно, вы — злостные искажители истории! Казаки руководствовались тогда высоким русским патриотизмом, боролись, кровь свою проливали, умирали во имя России“ — говорят нам.

Чтобы уличить так утверждающих в явном искажении смысла казачьей борьбы, ближайшей казачьей истории, разрешите привести только одну цитату. Цитату не из статей вольных казаков, а из официального документа. В июле 1919 г. нынешний Донской Атаман ген. Богаевский, тогда в качестве председателя Донского правительства писал Украинскому правительству следующее: „В В. Д., уже существовавшее как самостоятельное государство с 1570 по 1645 год, в настоящее время, отделившись от сов. России, объявляет себя вновь самостоятельным государством, ни от кого независимым, окончательно определенным и суверенным государством“... И оно желает „жить в самой близкой дружбе с Украиной, каков бы строй

ни был в России"... оно стремится „к тесному сближению и неразрывной дружбе Украины и В. В. Д., как соседних самостоятельных и суверенных государств, идущих по пути взаимной поддержки, независимо от того, как бы ни развернулись события в будущем"... Опять таки, если кто „извратил“ ближайшую казачью историю, так сделал это нынешний Ат. Богаевский в качестве (тогда) председателя Донского правительства. И вы свое обвинение должны адресовать к нему, а не к нам, самостийникам!

Возьмем статью 1-ю Донской Конституции, которая гласит: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“. Неужели вы хотите сказать, что написано так, а нужно читать иначе? Неужели вы хотите утверждать, что составители Основных Законов Донского Государства были настолько наивны, что не понимали, что делали? Если кто „исказил“ „ближайшую казачью историю“, так сделали это составители Донской Конституции, весь Донской Круг, принявший эти Основные Законы. И вы свое обвинение в искажении „ближайшей казачьей“ истории должны адресовать составителям этих Законов, к Донскому Кругу, законы эти утвердившему и... к В. А. Харламову, бывшему председателем этого Круга!

Есть еще одна „искажительница“ „ближайшей казачьей истории“. Это — присяга, т. е. неистребимый закон нравственно-религиозного порядка. Текст присяги-клятвы, которую мы все приносили в свое время, гласит: ... „обязуюсь быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству“...

Такую присягу я принес перед образом Будды, а вы принесли перед Св. Крестом. Неужели вы хотите сказать, что, принося свою присягу-клятву, произнося перед Св. Крестом эти слова, в душе вы думали иное?

Вот вам несколько неопровержимых, документальных данных на голословное обвинение нас, самостийников, в искажении казачьей истории „авторитетным“, „большим“ человеком — В. А. Харламовым. Эти факты с неопровержимой убедительностью обнаруживают перед вами истинного искажителя смысла казачьей борьбы.

Перехожу к „опровержениям“ докладчика. Он утверждал здесь, что Россия казаков не так то давила, как жалуются самостийники. И привел три примера. Как раз и я сошлюсь на эти три примера. Самостийники совершенно правильно указывают на бесчеловечную расправу Петра I с Донским Казачеством, когда тысячи казаков были убиты, Дон был залит казачьей кровью, когда по его волнам плыли плоты с казачьими трупами на виселицах, наводо на весь Край ужас, когда казачьи городки сжигались, стирались с лица земли. Опровергается ли этот „факт“ докладчиком? Совершенно нет! Но он говорит: „Что же в этом страшного, Петр I не только казаков уничтожал, но и своего собственного сына убил во имя Великой России“. Что, мол, там слезы проливать о гибели тысяч простых казаков, когда сын царский был убит! Не буду по этому поводу спорить с докладчиком, ибо вся „убедительность“ этого его „опровержения“ очевидна всем вам и без меня.

Докладчик обвинял самостийников в том, что они демагогически обвиняют русский народ, наделяя его желанием давить казаков, при чем ссылаются на мобилизацию двух военных округов Керенским против Дона и на его требование о выдаче Ат. Каледина Москве. Я спрашиваю вас: что же, докладчик опровергает этот факт? Нет! Наоборот, он так же подтверждает, что такой факт имел место, но он с самым невинным видом задавал здесь перед вами вопрос: „Но при чем тут русский народ? Ведь это сделал один легкомысленный Керенский!“ — По моему, или сам докладчик прикидывается простачком, или он всю аудиторию считает состоящей из одних дурачков. Ведь тогда Керенский был кумиром русского народа, его ведь целых восемь месяцев именно русский народ носил на руках. Такой симпатией, такой любовью своего народа, как Керенский тогда, никогда не пользовались и не будут пользоваться ни наш докладчик, ни его политический патрон проф. П. Н. Милюков. И, мобилизуя тогда против

Казачества два военных округа, Керенский как раз выражал желание своего народа, т. е. народа русского (великорусского)! И никакие ваши словесные приемы этого обстоятельства не изменят, действия тогдашнего Керенского не отделят от желания русского народа!

Докладчик также обвинял нас, самостийников, в том, что мы в демагогических целях, отождествляем слова В. М. Чернова „казакам нужно потесниться“ с желанием русского народа и он с ангельским видом спрашивал вас: „Зачем сваливать вину за слова какого-то Чернова на русский народ? При чем тут русский народ? — Этим своеобразным приемом докладчик думает очистить русский народ от преступных действий в отношении Каз-ва как далекого Петра I, так и близких: Керенского, Чернова и др. Но все вы сами должны хорошо знать, что Чернов — не какойнибудь там шалопай, а председатель первого и, может быть, последнего Всероссийского Учредительного Собрания. Может быть и не заслуженно, но Чернов в один исторический момент был облечен доверием огромного большинства русского народа. Произнес свои исторические слова „казакам нужно потесниться“, Чернов тогда, действительно, выразил программу русского (великорусского) народа!

Докладчик пытался высмеять самостийников на том основании, что по „невежеству“ своему они утверждают, что, если бы тогда Казачество заявило бы, что защищает только свои границы, то большевики оставили бы нас в покое, как они оставили в покое Эстонию, Латвию, Литву и т. д. Конечно, самостийники так категорически не утверждают. Тут докладчик с понятной целью пересаливает. Но самостийники, действительно, говорят, что возможно нас оставили бы в покое и теперь мы не скитались бы по свету. От этого своего предположения они не отказываются и теперь. Конечно, большевики сделали бы это (если сделали бы!) не из за любви к казакам, а вынуждено, в силу необходимости, чтобы уцелеть хоть в пределах Московии, ибо тогда их положение было чрезвычайно тяжелое. Для такого утверждения у нас есть серьезные основания.

Тогда положение большевиков было очень тяжелое и в среде высшего красного командования серьезно ставился вопрос об отказе от борьбы с Казачеством, чтобы легче было покончить с Деникиным. Они тогда, во имя сохранения своей власти хоть в пределах Великороссии, готовы были отказаться от многого. Напрасно докладчик пытается доказать, что Эстония, Латвия, Литва и т. д. получили свою независимость потому, мол, что их земля не нужна была большевикам, балтийские порты не нужны им. Не верно! Большевикам не только эти земли, но весь мир нужен. Но они отказались от них, потому что близок локоть, да не укусишь! В этом же порядке могли они отказаться и от Казачьих Земель. И в высшем красном штабе такой вопрос поднимался.

Почему ставился так вопрос? Потому что, — как пишет Троцкий в своей книге „Моя жизнь“, — „Казачество хотело отстоять свои границы от натиска рабочих и крестьян. Добровольческая же армия хотела взять Москву“. Как видите, причина довольно убедительная. Большевикам, при тогдашнем их трудном положении, не было особой охоты воевать с теми, кто оставался бы в пределах своей земли и не задавался целью освобождения Москвы, т. е. уничтожения большевиков в их гнезде.

В этом случае (если большевики оставили бы казаков в покое) — „казаки оставались бы на местах, чтобы охранять свои границы от чужаков, но мы их не трогали бы. Вопрос о Казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, сколько политической“ (Троцкий, „Моя жизнь“), т. е. казачий вопрос мог бы разрешиться в порядке политических переговоров, как аналогичный вопрос разрешился с Эстонией и др.

Но казаки „вожди“, плененные идеей „Великой России“, поспешили крепко связаться с Деникиным и большевики вынуждены были продолжать свою борьбу с Казачеством. Что получилось в результате? Получилось, по словам Троцкого, следующее: „Если Деникин

не мог поднять Казачество на далекий поход против Севера, то, ударив по казачьим гнездам с юга, мы помогли Деникину. Отныне казаки не могли уже защищаться только на своей земле... В тылу Деникина казаки образовали могучий оплот. Они выросли в свою землю, держались за нее зубами и когтями“...

К стыду и несчастью нашему, красный главковерх оказался лучшим знатоком казачьей психологии, казачьей „души“, чем многие наши казаки „сановные“ вожди!

Интересно, что же думала казачья народная масса в то время, когда большевики вынужденно собирались отказаться от борьбы с Каз-вом? Эти казачьи думы с поразительной ясностью и краткостью выражены в речи члена Войскового Круга рядового казака, который сказал следующее: „Мы на той поприще стоим, чтобы свое не отдать, а чужое нам не надо, то надо до того добиться, чтобы эти флажки (обозначение линии фронта на карте) назад не передвигались, но и вдалеке далеко не пушались... Россия?.. Конечно, держава была порядочная, а ныне произошла в низость... Ну, и пушай... У нас и своих делов не мало собственных... Прямо сказать, г. г. члены, кто пропитан Казачеством, тот свое не должен отдать дурно... А на счет России — повременить. Пушай Круг идет к той намеченной цели, чтобы спасти Родной Край — пригребай к своему берегу“...

Конечно, наши умные вожди тогда высмеяли этого простого казака, так поразительно верно и так кратко сформулировавшего всю казачью политическую программу, т. е. высмеяли сокровенное желание своего народа, заставили его пойти на спасение Москвы и... привели нас к разбитому корыту. Те же „вожди“ пытаются высмеять теперь и нас, самостийников, именно за то, что мы стоим „на той же поприще“: „свое не отдавать и чужое не брать“.

Вот эта наша программа — „свое не отдавать и чужое не брать“ — является и хорошим ответом на многократное подчеркивание докладчика о том, что, мол, „самостийники ненавидят русский народ, собираются военять с русским народом“. Но вы сами легко поймете, всю неверность его утверждения. Для этого только нужно задать себе вопрос: „кто является настоящим врагом — тот ли, кто идет в чужой дом грабить, или тот, кто свой дом, свои стены защищает от грабителей? Мы, самостийники, к русскому народу, поскольку он будет сидеть у себя дома в Великобритании и устраивать свою жизнь, никакой вражды не питаем и не можем питать. Устраивайтесь у себя как нам угодно, как вам нравится, но только не мешайте и нам устраивать свою жизнь так, как мы сами желаем, пользоваться благами нашей земли, как мы найдем нужным.

Докладчик не придает особенной цены принципу и говорит, что „дело не в принципе, а в силе, которая в данное время руководит“. Эта сила, мол, переделала по своему принцип „самоопределения народов“: одним (Эстония, Латвия и др.) принесла независимость, а другим — нет.

Верно, что сила имеет важное значение, что и говорить! Как раз мы, учитывая внутренние и внешние силы, которые как раз хорошо могут согласоваться с принципом самоопределения народов, стоим на своей самостийной позиции. А вот тот австро-немецкий пример, приведенный докладчиком, можно, ведь, обратить и в пользу самостийников. Ни для кого не секрет, что наши противники постоянно твердят о том, что если казаки самоопределятся, то в силу своей слабости, они неизбежно должны войти в подчинение какого-то сильного государства, которое наложит свою лапу на Каз-во. Вот приведенный выше пример хорошо опровергает этот „аргумент“ наших противников. Сейчас не 15-й век. Сейчас конкуренция государств настолько сильна, что о поглощении кем-то кого-то серьезно говорить невозможно. Вот эта международная конкуренция является прекрасной гарантией того, что самоопределившееся Казачество прекрасно будет жить и устраивать свою жизнь так, как оно пожелает, ибо если кто и пожелает „проглотить“ Казанию, то другой скажет — не трогай. Да и вообще, можно ли серьезно

говорить о поглощении кем-то Казакии? Ведь Казакия — не кусок котлетки; может лопнуть и самая крепкая глотка!

Докладчик сказал поразительную в устах серьезного человека вещь: „Вокруг одной голой идеи нельзя создавать организации“... От этих его слов сначала я опешил, не сообразив в чем тут дело. Но потом только догадался об истинном смысле его слов. Ведь он совершенно прав, но только в отношении своей собственной идеи. Вокруг его „федеративной“ идеи, действительно, никого нельзя объединить. Это — святая истина! Эта идея никого из казаков не привлекает, к ее носителю, докладчику, никто не идет, вокруг него пустое пространство. Правда, докладчик свое политическое одиночество в казачьей среде очень легко объяснил, сказав, что „мы переживаем отрыв и разрыв поколений, отвержение старых“...

Нет, это отмирание старой, книжной теории, созданной двадцать лет тому в тиши кабинетов, и появление новых идей, рожденных непрерывным процессом самой жизни. Докладчик забрался на высокие горные вершины, обложился книгами, создал свою отвлеченную теорию, с реальной жизнью ничего общего не имеющую и, плюнув на „серую народную массу“, в поднебесных сферах строит свои воздушные замки, а казачья народная масса, от грешной земли не отрывавшаяся, идя в ногу с жизнью, пошла по своему земному пути к своей земной цели и собирается строить свой Казачий Дом.

Докладчик категорически отрицал какую бы то ни было ценность за всеми писаниями самостийников, как в области казачьей истории, так и в области публицистики. Почему? „Потому что, — говорит Харламов, — вольные казаки сначала поставили себе определенную цель, а потом все факты стали подбирать, подгонять под эту свою заранее поставленную цель“. Если считать подход к оценке всякой работы человека, то, пожалуй, придется отказать какую бы то ни было ценность за всякой литературой. Для того, чтобы понять, что его подход не выдерживает никакой критики, стоит только задать себе вопрос: неужели и русская история (которая казаков выводит как разбойников-воинов) составлялась без всякой цели? Неужели она не составлялась с определенной целью — возвеличения славы Рос. империи — и не под эту ли заранее поставленную цель подбирались, подгонялись факты? Неужели сейчас „красная“ русская история составляется без всякой цели? Неужели сам Харламов работает без цели? Неужели он хочет сказать, что он не „подгоняет“ факты под свою „федерацию“?

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что как сам докладчик, так и его патрон, все события жизни рассматривают через призму своей политической партии, подходят к ним с точки зрения интересов своей партии, безусловно в своей работе все факты подбирают, подгоняют под свою „федеративную“ цель. И тут нет ничего зазорного. На этом основании самостийники не могут отрицать известной ценности за их трудами.

Да, вольные казаки, имеют определенную политическую казачью цель. Да, они рады, когда факты казачьей истории с несомненностью оправдывают их цель, их работу. Но никто не смеет, лишь на том основании, что вольные казаки, де, имеют свою высокую цель, отрицать, да при том голословно, за их работой всякую ценность. Оттого, что Харламов будет на собраниях говорить о бездарности работы вольных казаков, их работа не превратится в бумажный хлам. Но мы смеем утверждать, что эта работа принесла свои плоды, реально опровергающие утверждения Харламова. Доказательство? Да хотя бы то обстоятельство, что раньше казаки приходили на собрания и молча слушали разные ахинии про них, а теперь, в результате „бесценой“ работы вольных казаков, они приходят на собрания с открытыми глазами и ставят такие серьезные вопросы людям, которые предпочитают втихомолку производить свою „ценную“ работу и тайком складывать ее в своих сундуках!

Да слова о крестьянском вопросе. Докладчик здесь изощрялся в иронии на счет того, что вольные казаки,

де, собираются „оказачить“ огромное крестьянское море в Казачьих Землях, что это, мол, мечта ненормальных людей. Затем перечислял, что Черноморская губ. — крестьяне, Ставрополь — крестьяне, Астраханское Войско — крестьяне и т. д. К сожалению, он в этом своем перечислении остановился на пол-пути. Надо было продолжить: почти половина Дона — крестьяне, почти половина Кубани — крестьяне, а значит... нужно вообще поставить крест на казачий вопрос.

Но самостийники так мрачно не смотрят на вопрос. Они, действительно, думают „оказачить“ все коренное крестьянское население. Только в этот термин не нужно вкладывать какой-то глупый смысл... Вопрос обстоит гораздо проще: надо, чтобы все коренные крестьяне пользовались одинаковыми с казаками правами и несли одинаковые обязанности. Вопрос кончен. Сделать это тем легче, что большинство и черноморцев и ставропольцев до недавнего времени были казаками и у них казачий дух, казачья кровь еще окончательно не уничтожены.

Напрасно указывают на то, что во время борьбы с большевизмом крестьяне были против казаков и что это было, мол, проявлением русского патриотизма, делали, мол, они это во имя России. Как бы не так! — Это было прямым результатом долгой пропаганды русской либеральной и революционной интеллигенции, которая постоянно вбивала в голову крестьянина, что — казаки, мол, ваши кровопийцы, они ваши угнетатели, пользуются вашими землями, берите от них и т. д. и т. п. И вот малосознательные крестьяне, не разобравшись в чем тут дело, во время революции стали и против казаков. Но эта революция теперь им показала — где раки зимуют и они теперь с радостью пойдут вместе с казаками.

Харламов с особенным удовольствием цитировал какую-то статью из журнала „Тризуб“, в которой говорится, что идея Казаккии не серьезна. На этом основании докладчик доказывал, что у вольных казаков нет никаких союзников. При этом не приминув вспомнить о „честных поступках“ генералов Быкадорова и Старикова, которые, мол, поняв неосуществимость цели самостийников, честно ушли из В. К. и раскаялись. А Стариков, оказывается, в дружеской беседе с Харламовым указал, как на свою основную причину ухода, на то, что украинцы де претендуют на часть Донской территории. И он, Стариков, якобы сказал Харламову: „Что же это такое? Лучше я пойду с русскими, чем отдавать часть территории украинцам“.

Относительно статьи в журн. „Тризуб“. Это, ведь, частное мнение отдельного журнала. „Тризуб“ еще не Украина! А вот не угодно ли другое. В эмиграции существует объединенная организация „Прометей“, куда входят: украинцы, кавказцы (горцы, грузины, азербейджанцы) и туркестанцы. Вот эта объединенная организация приветствует В. К. и заявляет: „Сейчас, с точки зрения общих интересов борьбы подвластных России народов за национальную независимость, важна самая постановка вопроса о независимом казачьем государстве. Успех идеи казачьей самостоятельности — это успех для всех нас: Украины, Кавказа, Туркестана. Чем отчетливее и полнее будет понята взаимозависимость целей „ВК“ и фронта „Прометея“ всеми нами — и казаками и прометеевцами — тем увереннее мы пойдем на завоевание нашего — и казаков и прометеевцев — священного права на национальную государственную независимость. Привет горячему борцу за идею казачьей независимости — „Вольному Казачеству“.

Кто имеет уши и может понимать, для того совершенно ясно, что ссылка докладчика на статью в „Тризуб“ не выдерживает серьезной критики при наличии этого заявления всей объединенной организации.

Впрочем, бывает много людей, которые слышат, но не желают понимать. Вот относительно таких лиц и говорит калмыцкая поговорка: „Лучше сеять зерно на коровьих рогах, чем говорить человеку, который не желает понимать“.

О генералах, „честно“ раскаявшихся. Нужно сказать, что генералы не сами ушли. Ох, как они не хотели уходить! Но, их „ушли“ — одного за его полити-

ческое непостоянство, а другого — за политическое детство, а обоих вместе еще — за чрезмерное притязание на руководящее положение, без достаточных для этого данных.

Да и тот мотив ухода одного из этих генералов, о котором говорил докладчик, сам свидетельствует, что этот человек не совсем понимает то, что говорит. В самом деле? Как можно себе представить действительно идейного человека, который отказывается от этой идеи лишь потому, что ему где то и когда то какой-то украинец заявил о своем желании прихватить себе кусок казачьей территории. Ведь это же смешно! Наоборот, такие необоснованные притязания, неуместные апетиты, должны только еще больше объединять всех идейных вольных казаков, еще больше спаивать их в единый кулак, чтобы общим дружным усилием с еще большей энергией отстаивать свои права, свои интересы, а не бежать позорно с поля битвы, открещиваясь от своей идеи и прятаться под юбку российской тушки Марии Алексеевны.*)

Таким образом, при внимательном разборе всех „аргументов“ докладчика, от них ничего не остается. Больше того: его „критика“ обращается против него же самого!

Но, у докладчика есть один чрезвычайно серьезный „аргумент“, а для усиления этого своего „аргумента“ он цитировал книгу красного командира Егорова, где говорится, что „большевикам для их успешной борьбы нужна была, как воздух, богатая казачья земля!“ Против этого „аргумента“ мы возражать не смеем. Трудно было бы нам его отрицать, ибо он является историческим русским „аргументом“ против Казачества. Еще Петр I, посылая князя Долгорукого на Дон на уничтожение казаков, на разорения казачьих городков, наказывал ему уничтожить все и все, „понеже сам знаешь, как край тот нам надобен“.

Этот „аргумент“ нам известен и мы с ним считаемся. Но все таки мы предпочитаем прежде всего спросить у самого Казачества — нужны ли ему самому его богатейшие земли, берега теплых морей и т. д.? А докладчик, очевидно, считает, что эти казачьи богатства прежде всего нужны России.

Так неудачно „раскритиковав“ самостийников, докладчик в таких словах выразил свою „положительную“ программу: „Единство российского государства в форме федерации“; „в отношении Казачества нельзя применять одного рецепта, единого плана. Градация: одним — штат в федерации, другим только автономия“, а третьим, может быть, и совсем ничего.

Проще говоря — никакой казачьей программы, пустое место.

Вдобавок, можно ли сейчас серьезно говорить о российской федерации? Невозможно, ибо для построения этой федерации нет живых сил — ни внутренних, ни внешних. На пути к этой федерации стоят большевики, а бороться с ними во имя российской федерации никто не желает — ни во вне, ни внутри.

Так утверждают не только самостийники, но и сами русские люди. Например, Керенский прямо говорит: „Среди иностранцев нет никого, кто бы стремился сейчас действительно к свержению сталинской диктатуры во имя восстановления национально-здоровой и государственно-сильной России“ („Дни“, № 147).

Или в другом месте тот же Керенский пишет: „Среди иностранных врагов большевиков — нет вовсе друзей России, нашей общей — от крайних правых до крайних левых — родины“ („Дни“, № 148).

Так обстоит дело во вне. Может быть есть внутренние силы для борьбы с большевиками во имя российской федерации? На это также отрицательно отвечает тот же Керенский: „Конечно, петербургский обыватель (т. е. русский человек. Ш. Б.), доведенный до последней степени бесправия и нищеты, не способен на политический протест“, т. е. на борьбу с большевиками. Здесь, конечно, сказано очень деликатно, а мы от себя можем прибавить, что огромное большинство русского

*) От ред. Не знаем, о каких украинских притязаниях идет здесь речь, но заявляем, что своих территорий В. К. не собирается уступать никому.

(великорусского) народа не только не способно, но и не желает бороться и свергать большевиков.

Или русский же политический деятель Г. П. Федотов говорит, что „у свободы в России вне малого круга старой интеллигенции нет защитников“.

А рядом с этим бессилием в центре СССР, т. е. в Великороссии, мы знаем непрерывные восстания в Грузии, на Кавказе, в Казакии, в Украине, в Туркестане. Это борются, восстают „окраинные“ народы против большевиков во имя своего освобождения, во имя своей национальной-государственной независимости. Это и понятно, ибо сейчас в СССР есть, после компартии, единственная живая, реальная, подкрепленная живой идеей сила. Это „окраинные“ народы.

Об этом знают и сами русские люди. Например, младоросс Львов пишет, что если бы сейчас возможен был в СССР свободный плебесцит, то „с уверенностью можно сказать, что на втором месте (после коммунистов. Ш. Б.) оказался бы блок всевозможных сепаратистов“.

Скажут, что это малопонимающий молодой человек. Но вот почтенный русский проф. Ильин говорит по существу почти то же самое, но в несколько деликатной форме. Он пишет, что после падения большевиков... „вернее всего... политических тел и форм может сложиться на время сразу несколько — своя в Сибири, своя в Великороссии, своя в Малороссии, своя на Кавказе и в средней Азии“...

О чем все это свидетельствует? О том, что в настоящее время в СССР есть только две реальные силы: компартия и молчаливо ее поддерживающая русская (великорусская) народная масса, с одной стороны, а с другой — непрерывно с большевиками борющиеся за свою государственную независимость националисты.

Это становится очевидно и для некоторых русских людей, которые из-за желания какой угодно ценой сохранить „единство российского государства“ и не имея других для этого возможностей, начинают понемногу поворачиваться лицом к СССР.

Русский эмигрантский царь Кирилл I, хотя и заявляет о своей непримиримости к большевикам, но, с точки зрения защиты русских интересов, считает своим царским долгом приветствовать „строительство“ большевиков, как „зарождение новой жизни, как зарю величия моей родины и будущего счастья человечества. Каждый успех в строительстве есть победа русского духа“ (а еще недавно некоторые русские обижались за указание на то, что большевики — русские люди!).

По утверждению Е. Кусковой, к ним, большевикам, ... „обернулась едва ли не вся (русская) эмиграция..., готовы, повернуты, духовно соединены с лесом волшебным и родным“, т. е. с СССР.

Павел Кудинов.

Заключительная глава к „Восстанию Верхне-Донцов“.

(Настоящая статья есть дополнение к очерку „Восстание Верхне-Донцов“, напечатанному в „В. К.“ в прошлом году).

Быть может многим из читателей, не принимавшим участия в восстании, или вследствие отдаленности своего местожительства от мест восстания, или просто по неосведомленности в виду того, что печать тогдашняя не проникла во все уголки Дона, покажутся несколько маловероятными многие доблестные действия восставших В.-Донцов. В этом случае я рекомендую, отбросив сторону описательную, просто сравнить число восставших казаков с общим числом наступавших красных, посылавшихся с задачей ликвидации восстания. Количество красных войск, действовавших против восставших казаков зарегистрировано не только оперативным отделом Штаба Армии Восставших, но и официально зарегистрировано в документах Штаба Донской Армии, если таковые сохранились.

Верхне-Донцы, поднявшиеся против красного террора, выдержали с честью неравную борьбу потому, что они проявили необычайное упорство и героизм, ка-

А вот теперь политический патрон докладчика, П. Н. Милюков, на публичном собрании в Париже начинает доказывать, что „нам надо сочувствовать советской власти в ее борьбе за русские интересы“... Он как будто уже отказался от борьбы с большевиками, ибо по его мнению, ... „будет большое несчастье, если русские снова будут драться с русскими“, т. е. с большевиками (цитирую по газ. „Возрождение“. Вот Милюков так уже прямо говорит, что большевики — русские люди и бороться с ними будет — несчастье! Ш. Б.).

Таким образом у русских федералистов, следовательно и у нашего докладчика, ничего от их идеи не осталось, во всяком случае она сдана в архив до того благополучного момента, когда добрые русские люди-большевики добровольно откажутся от своей власти и вручат ключ к федерации федералистам. Таким образом, у них пока что, по выражению проф. Ильина, остались „слова без идей, распри без дела“!

А у самостийников крепко живет во всей своей привлекательности, яркости их идея, высоко развивается их знамя, на котором коротко и ясно написано: „Освобождение и возрождение родного нам Казачества; создание объединенного единого казачьего государства — Казакии на основе права, порядка и справедливости. В борьбе за осуществление этой своей высокой цели все средства хороши; наши друзья и союзники все те, кто борется за такие же высокие и благородные цели“. Эта идея настолько ярка и привлекательна, что привлекает к себе все новых и новых лиц, ряды под Вольноказачьим знаменем становятся все гуще и гуще. И никакие хитроумные приемы опытных „орателей“ выставить вольных казаков злее и чернее дьявола, потому что они смеют думать о Казачестве в ущерб „Великой России“, и глупее известного животного, потому что они „не понимают самых элементарных вещей“ — не способны замедлить темп этого каждодневного роста и укрепления вольноказачьего освободительного движения.

А международная обстановка складывается так, что вселяет в нашу душу еще больше веры в скорое, быть может, достижение нашей заветной цели.

И мы верим, что не за высокими горами и далекими долами светит яркая звездочка — предвестница грядущей Вольной Казакии. Наши противники делают все, чтобы эту звездочку потушить, чтобы перед нами снова наступил политический мрак, а мы, самостийники, постараемся, чтобы звездочка-зарница как можно скорее загорелась сильным пламенем на весь мир и чтобы освободившееся и объединенное Казачество, устроив свое свободное, независимое государство — Казакию, громко на весь мир сказало, что это — раз и навсегда.

ковой едва ли можно найти во всех случаях восстаний в годы 1917—20, но, однако, этот исторический акт в жизни Казачества, могущий служить, как предмет воспитания для наших детей, ни в какой казачьей летописи не значится. Таким образом, получается так, что история о героическом восстании Верхне-Донцов молчит, а раз молчит „беспристрастная“ история, то о героизме их не будет следа в памяти потомков.

В своем скромном труде я не задаюсь целью возносить до небес павших и оставшихся в живых соратников, я воздаю только дань силе духа тем тысячам простых казаков, которые под водительством своего же брата, простого казака, проявили такое мужество в защите своей свободы и независимости.

Я подымаю свой голос еще и потому, что бывали случаи не только умалчания этого акта в истории казачьей борьбы с большевиками, но и были попытки очернить и приклеить к нам слово изменники“ (как

напр. полковник Добрынин). Против этих клеветнических попыток я решительно встаю и говорю, что Верхне-Донцы никогда изменниками и предателями своего народа и своей земли не были и, не в обиду будь сказано подобным тыловым „героям“, вроде таких, как и сам полк. Добрынин, мы не преследовали среди потока льющейся казачьей крови личных нажив, чинов и орденов. Основною целью нашей было — чужого не брать и своего не отдавать. Мы только не хотели идти спасать разорившихся русских дворян и отнимать для них у русского мужика его пожитки.

В дни революции не только Верхне-Донцы, но и вообще все Казачество нигде не проявило наклонностей к погромам и опустошениям. Казаки несли большие жертвы и бережно охраняли свое достоинство от захвата иноплемеников. И только наше близорукое Донское правительство, подчиняясь задачам белых вождей, толкнуло Казачество на роковой шаг — пойти на Москву, чтобы навязать русскому народу их вековых угнетателей. Возможность торжественного въезда в столицу, возможность лавровых венков, новых наград чинами и поместьями от благодарного царя своим спасителям, ослепила наших, хотя и выборных, вождей и толкнула их на пренебрежение интересами и судьбой своего народа — Казачества. И море казачьей крови и продолжающиеся теперь мучения Казачества являются результатом их этого прошлого преступления.

Как было в армии восставших?

Верхне-Донцы, во внутренней организации своих сил, своим казачьим чутьем поняли многое и, забросив все устаревшие формы организаций, отделившись от всех вредных и не нужных нововведений, выдуманных разными мудрецами, зачастую для обеспечения себе в этих учреждениях теплых и безопасных мест, применяли только то, что жизненно было необходимо для достижения победы. Военно-полевой суд, карательные отряды, контр-разведки, которые, как нам приходилось видеть из жизни Добровольческой армии, только как будто для того и существовали, чтобы грабить мирное население и терроризировать его, были исключены из наших военных и тыловых организаций. Ни суровой подневольной дисциплины, ни смертных приговоров у меня не было. Однако, от этого мои части не были слабы, а как будто наоборот: приказы исполнялись беспрекословно и старательно. Где нужно, братски раз'яснял, как мог, а где нужно — не скупился на личные примеры в исполнении долга и все у нас шло хорошо и просто. В наших рядах было много и местных крестьян, которые, пользуясь, как со стороны начальников так и казаков, полным доверием и равным братским отношением, честно дрались и мужественно погибали за наше общее дело. Мы были в замкнутом кольце врага и только абсолютное спокойствие и порядок, как в тылу, так и на фронте и бодрость духа не дали нашему фронту прорваться, хотя давили на него со всех точек и с большим упорством.

В этой борьбе выявилось одно несомненное казачье качество. Это — умение быстро разбираться в создавшейся военной обстановке и так же быстро принимать самое лучшее решение. Иногда простые казаки проявляли удивительную способность к инициативе и умение руководить ходом боя. Видимо и под вековым гнетом духовной неволи еще не были растрacены казаками прапрадедовская сметка и рыцарский дух. У нас была полная свобода политического мнения: каждый казак мог исповедывать какую угодно идею и мог открыто говорить и никакого преследования на него со стороны других не было. Для провинившихся у нас был народный суд: провинившегося судили сами казаки в той части, в которой проступок был совершен. И эти меры, продиктованные нам самой суровой жизнью в кровавой борьбе, были вполне достаточными, чтобы мы с честью выдержали взятую на себя задачу — не быть побежденными.

Еще раз должен повторить, что Верхне-Донцы, бросив фронт в декабре 1918 года, никогда не имели в виду измену и предательство и поэтому, несмотря на возводимые на них обвинения, они никогда не сожалели о сделанном и никогда не раскаивались ни перед кем, тем более ни перед какими донскими сановниками.

Верхне-Донцы были требовательны к своим вождям, ждали от них честного служения Казачеству и, видя у них только дебошества, бестолковые распоряжения, всевозможные хищения и заедания всяких штабных передвигателей флажков, решили твердыми мерами исправить положение. Я живой свидетель переговоров Верхне-Донцов с красными и знаю причину возникновения их. Они видели, что их хутора и станицы пылают пожаром не только от красных, их сундуки ломались не только красными, но и всякими белыми карательными отрядами и то, что чека и контр-разведка одинаково не щадят казаков. Нечуткость и невнимание своего же начальства, несдержанность им данного слова и необдуманные угрозы на их законные требования переполнили чашу и Верхне-Донцы бросили фронт. И стало очевидно, что не белые маршалы, не графы и не князья, не офицеры Доброармии держали фронт, а только мы своими телами. Как только мы вернулись по домам, вся эта „армия“ безоглядки, бросая награбленное добро, а зачастую и своих любовниц, бежала на Новочеркасск. „Мы должны были показать вам, что вы нами держитесь, а не мы вами и, когда стало надо, мы и без вас справились с труднейшей задачей — восстать во вражьем лагере, очистить свою землю и жертвенно защищать ее“. Так размышлял я, ведя ожесточенную борьбу против красных. Своим актом мы хотели исправить произвол в нашем тылу. Когда по случаю ранения я попал в тыл, то, действительно, увидел неписуемый произвол и беспорядок в тылу Донской армии. Казаку не страшны ни голод, ни холод, ни муки смерти, но он не может спокойно мириться с обманом, презрением к себе, жестокостью и разнузданностью тех, кто хочет им командовать.

Неволью вспоминается, как приехал в станицу Вешенскую Атаман Краснов. Как раз, когда я лежал в лазарете, где раненые казаки буквально заедались тифозными вшами, где стонали сотни героев-казаков. Побывав в церкви, прослушал себе хвалу, но от предложения посетить лазарет, где лежали раненые герои, он отказался. Оставшись в стане красных, я понял, что душа казака не помирится и с тем, что творилось здесь; дикая расправа вторгнувшихся мужиков с севера вновь напомнила Петровские времена и мы восстали опять и против этой неправды и началась битва в защиту правды...

Получив сведения о существовании Донской армии, все мы, и армия и мирное население, с нетерпением ждали соединения, но, как только соединились с Донской и Добровольческой армиями, опять начались всяческие виды законных и незаконных грабежей, опять завязжали свиньи, замычал скот, заржала последняя казачья лошададка и все — к столу или для передвижения всевозможных тыловых паразитов.

Командующий Донской Армией генерал Сидорин торжественно раз'езжал по освобожденным станицам армии восставших и, будучи в Вешенской, вздумал „журить“ Верхне-Донцов за то, что бросили фронт в 1918 году. А разве ему, Сидорину, было нас укорять?.. Нет, ему надо было только извиниться перед казаками. Мало этого, что Сидорин „журить“ вздумал, но и все правительственные комиссары, приезжавшие в наши станицы, вели себя словно завоеватели.

Безответственная и безумная ватага белых тыловых грабителей, контр-разведчиков и карателей, ежедневно старалась вырвать из казачьих сердец чувства симпатии и солидарности к белой армии и этим увеличивали число красных. Естественно, что, видя произвол и обиду на одной стороне, человек неволью ищет правду на другой, хотя и там ее не могло быть.

В своей переписке с правительством и штабом Донской армии я никогда не упоминал о том, что ощущается недостаток в командном составе, как это значится в кратких и бессовестно искаженных очерках госп. Добрынина, а только лишь настоятельно просил, чтобы с каждым очередным аэропланом присылались патроны. Присланные по назначению Донского штаба армии 30 обер и 20 штаб-офицеров учинили дикий саботаж, отказываясь отправиться по назначению, чувствуя унижение и оскорбление, что им приходится подчиняться сотнику, хотя и народному избраннику. Они

принялись сеять смуту и раздор между казаками, пришедшими из за Дона, и казаками восставшими, играя на том, что у Верхне-Донцов нет погон. Все это было с ведома и благословения Сидорина.

В то время, когда разбитые красные беспорядочно бежали на север на всем участке Донской армии, генерал Сидорин, вместо преследования, решил прекратить преследование, потому что: „все равно дорога на Москву теперь открыта“, а, пользуясь моей болезнью, принялся расформировывать наши закаленные в боях, внутренние спянные части и тем положил начало новой эре в борьбе Донской армии — эре поражений.

Новые сидоринские командиры полков и бригад отстраняли старых офицеров армии восставших и предпочитали приближать и пригревать комиссаров, попадавших в плен бывших офицеров. Смелые красные агенты в большом числе, пользуясь таким благосклонным отношением начальников наших частей, проникали в среду армии и делали свое дело разрушения. Все заявления старых, опытных казаков о том, что среди перебежчиков есть шпионы, заставляли этих командиров только морщиться, а расследование класть под сукно. Они наивно думали, что таким путем вся красная армия перебежит под их высокое командование.

Был такой случай: однажды, один из перебежчиков был назначен командиром бригады и казаки, подозревая его в шпионаже и вследствие бездействия командного состава, сами установили за ним наблюдение. Имея задание во что бы то ни стало уничтожить вверенную ему бригаду, этот командир, подвел бригаду под нос красных, расположил в селе и, якобы за отсутствием опасности, приказал даже расседлать коней и не выставлять никакой охраны в сторону противника. Один из вахмистров, поняв в чем дело, проверив близость красных и обстановку, взял с собой нескольких казаков, прибыл в штаб бригады и заявил: „Г-н капитан, ваше распоряжение, отданное бригаде: расположиться на отдых перед окопами красных — есть измена, которая подтверждается депешами от красного штаба, адресованными на ваше имя!“ Командир бригады растерялся и, вскочив на коня, бросился удирать. Но лихой вахмистр Еланской станицы догнал его и рассек голову на две части.

Штаб дивизии вызвал вахмистра и, без долгого расследования, расстрелял его. Так погиб хороший, преданный казак только за то, что убил шпиона и спас жизнь не одной сотне своих братьев. Видимо штабное гнездо тоже не было чисто от большевистских агентов. Фамилию погибшего вахмистра я забыл, но его помнят еланцы.

Казалось, что эту малочисленную армию восставших, разбросанную на 350 верст, окруженную плотным кольцом красных, можно было распылить одним ударом красных сил, но, решившие умереть или отстоять себя, Верхне-Донцы были несокрушимы. Мало этого, несмотря на то, что все мужское население до 55 лет было в рядах армии, изнемогающей в ежедневных боях, поля, даже находящиеся в сфере огня были своевременно и тщательно обработаны на началах братской самопомощи казаками, находящимися в кратковременных отпусках. Всякий казак, уезжая в отпуск, получал приказ от сотни засеять не только свое поле, но и поля товарищей, находящихся в частях, и в равном количестве десятин. Не выполнить этих требований отпущенной не мог на риску попасть под строгий суд сотни.

Представители Донской власти спешили в хутора и станицы восставших казаков, чтобы увидеть здесь не убранные поля, разграбленные дома, сожженные хутора, людей умирающих от голода и, конечно, „благословляющих“ своих освободителей, давших им возможности вернуться из камышей и других укрытых мест в свои дома, потому что они не допускали, что несколько казачьих станиц, без „умелого“ руководства белых вождей, могли организовать правильную защиту. Но, приезжая, видели, что здесь, как будто, ничего не происходило; все было попрежнему, спокойно работала казачка, а на любопытные расспросы неохотно отвечала: „Да, все было, мужья воевали, а мы возили раненых, сеяли поля, доставляли снаряды“... Оглядываясь удивленный гость

и видел зеленеющие поля хлебов, а на толоках мирно пасущийся казачий скот, словно здесь не кипели битвы и не рвались снаряды...

Генерал Богаевский, Атаман ВВДонского, во время посещения Вешенской станицы после соединения в июне 1919 года, даже не поинтересовался познакомиться с историей восстания, организацией армии, кровавой защитой и явно сознательно уклонился от встречи со мной, руководителем восстания.

На банкете, который был устроен в честь приезда главы Войска, я также не имел чести присутствовать. А с какой искренней радостью простой казачьей души я ожидал своего Атамана, но увидел только отвернувшуюся от меня гвардейскую спину, да жирный затылок. Общее впечатление от приезда Атамана было таково, что будто он и не знает, что эти седобородые казаки геройски лили свою кровь и спокойно посылали сыновей на смерть на защиту казачьей земли.

Армия восставших казаков всегда напряженно ждала счастья соединиться с своей главной армией и в представлениях казаков это соединение носило трогательно братский, сердечный характер и не раз возможность этого момента придавала защитникам лишнюю силу и мужество. Так было у нас. Едва ли иное положение было и в самой Донской армии, прижатой почти к стенам Новочеркасска, начинавшей уже терять веру в успех. Само собой разумеется, что весть о том, что в глубоком тылу красных восстали казаки и бьются в неравной битве, окрылила и ободрила их и они с новой силой ринулись на соединение к нам. И вот, эти наши братские казачьи чувства испортили нам, извратили их наши чересчур „бурбонистые“ начальники, начиная от Атамана и кончая всякими холеными ад'ютантами штабов. Никто из нас не думал, что после радостного соединения будут вспоминаться прошлые ошибки и грехи, содеянные если и нами, то не меньше и ими, но немелое грубое начальство, привыкшее „взыскивать“, пожелало проявить себя и погубить наше общее дело. Печать „самодержавия“, наложенная на наших бывших вождей, сыграла свою роковую роль, отняв разум у них в те моменты, когда нужны были казакам не блестящие свитские генералы и графы, а старшие братья, народные вожди.

В заключение всего изложенного, я еще раз заявляю, что не имею в виду цель рекламы и похвалы, а хочу лишь зафиксировать одну из блестящих страниц борьбы Казачества, именно Верхне-Донцов, которые неудачной работой наших руководителей были поставлены в условия, толкающие их на крайние шаги и которые этот героический акт борьбы за „свой порог и угол“ умышленно замалчивают и горько предать забвению.

Командный состав армии восставших, по таблице, составленной 20 марта 1919 года в станице Вешенской, был таков: Командующий войсками сотник П. Кудинов; начальник штаба — сотник Сафонов; поручик Бахметьев (иногородний) ад'ютант штаба оперативной части; чиновник Сербич, Вешенской станицы, — ад'ютант штаба по строевой части (убит); чиновник Земцев А., Вешенской станицы, — заведующий хозяйственной частью штаба.

1-я Конная дивизия: хорунжий Ермаков Х., Вешенской станицы, — начальник дивизии (нет в живых); сотник Копылов, Вешенской ст. — начальник штаба дивизии (нет в живых); подхорунжий П. Боков, Веш. ст. — командир 3 полка; подх. Рябчиков, Веш. ст. — командир 4 полка; вахмистр Зыков, Веш. ст. — командир 6-го пех. полка (фам. ком. 1-го и 2-го полков подхорунжего и вахмистра, к сожалению, не отмечены. Ред.).

2-я Конная дивизия: сотник Меркулов, ст. Мигулинской, — начальник дивизии.

3-я конная дивизия: есаул Егоров, стан. Казанской, — начальник дивизии (фамилия начальника штаба дивизии не записана); подхор. Башкин — командир 1-го конного полка; подх. Агафонов — командир 2-го кон. полка. (фамилия командира 3-го кон. полка не записана); хорунжий Шумилин Д. — начальник партизанского отряда. Все упомянутые лица — казаки Казанской станицы.

4-я конная дивизия: подхорунжий Медведев (Казан. ст.) — начальник дивизии; Ширяев (той же ст.) — начальник штаба дивизии; подхорунжий Благородов, стан. Веш. — командир Дударевского кон. полка (фамилия командира Березнягинского пех. полка подх. не указана; не указана также и должность подх. Разогреева).

5-я конная дивизия: хорунжий Ушаков, Еланской ст., — начальник дивизии; сотник Зотьев (той же ст.) — начальник штаба дивизии; прапорщик Дарин (Воронежской губ.) — командир 1-го кон. полка; подхорунжий Голицын, Еланской стан., — командир 2-го кон. полка; подх. Митичкин, Слащ. стан. — командир 3-го Калиновского кон. полка; сотник Белов (Букановской стан.) — командир 4-го Букановского кон. полка.

1-я конная бригада: хорунжий Колычев (ст. Казанской) — командир бригады, есаул А. Алферов, Еланской стан. — начальник штаба бр.; подхор. Богатырев, Еланск. ст. — командир 1-го конного полка; подхор. В. Кудинов, Веш. стан. — командир 2-го кон. полка.

По оперативной сводке штаба армии восставших, к 28 апреля 1919 года, против них были сосредоточены

части красной армии общим числом: 39800 штыков, 5570 шашек, при 82 орудиях и 341 пулемете, что далеко превосходило число восставших, помимо превосходства в вооружении, снаряжении и снабжении.

Только бесстрашие, твердость казачьего духа и находчивость могли уравновесить это неравенство и дать возможность отстоять себя.

Пусть этот пример гранитной твердости казачьего духа, проявленной в минуты опасности самим рядовым казачеством, послужит ныне гибнущему славному Казачеству уроком и одухотворит его на бесстрашие в борьбе за свое существование. Подобный дух проявили некогда наши предки в Азове, каковой акт многие сотни лет считается беспримерным в военной истории. Восстание Верхне-Донцов в стане врагов, почти без оружия и тот факт, что они, будучи со всех сторон окруженными, выдерживая ежедневные натиски, удержались и не за крепостными стенами, а в открытом поле, — не менее знаменательное явление.

Царство небесное павшим соратникам, бодрость и крепость духа живым!

Борис Кундрюцков.

Генерал Шкуро через двенадцать лет после поражения...

Под этим заголовком захотелось мне нарисовать характерный портрет одного из казачьих генералов таковым, каким он посетил Югославию, и вынести на казачий суд все то, с чем он опять вернулся к казачьему народу.

Чем он был — известно... Плоды деятелей печального конца эпохи нашей освободительной войны — мы испытываем и по сей час. Но вот психология непосредственных участников, приведших к гибели и крушению целый ряд Казачьих Краев, как она преломилась у них за эти двенадцать лет изгнания — все же несколько интересна. Интересна она потому, что разобравшись в ней, мы ясно увидим — научились ли чему нибудь казачьи старшины, осознали ли они свои ошибки, или попрежнему обвиняют в неудачах: то „инертность“ казачьей массы, то „отсутствие жертвенности у населения быв. России“, то „многоголовые“ казачьи Парламенты.

А что „генералы“ наши стали потихоньку оживать и проявлять кой-какую „деятельность“, говорит факт объезда ген. Шкуро каз. станиц и хуторов в Югославии. Первое время даже казалось, что ген. Шкуро стал кое в чем разбираться. Заметно было, что он познакомился с политической ситуацией в Европе, на Дальнем Востоке, в Америке, старается предугадывать те или иные события, могущие произойти от тех или иных „выборов“ или конференций, а также и то, что „иностранцы охотно помогут казакам-националистам“ и что Идея Казачьего Государства не есть какая то утопия, а лишь очерченной вопрос, возникающий на Востоке Европы. И все же, несмотря на все это, Шкуро опять поплыл в утлом челне к достижению своих скрытых целей...

Легкой надеждой сжалось было казачье сердце — казачий генерал, храбрец, на своей шее испытывший трагическую судьбу Казачества, разобравшийся в налетающем и предвидящий будущее, встает на стражу прав казачьего народа...

Повалило казачество валом на его доклады. С жадностью стало ловить каждое слово.

А через каких нибудь четверть часа и докладчик и аудитория начинают чувствовать, что тонкая как паутина вуаль непонимания опускается между ними, потом — плотнеет и становится каменной стеной, за которой казакам не видно генеральских погон, а генералу не видно хмурого, недоверчивого и разочарованного казачьего лица.

Ген. А. Г. Шкуро думает (по старому!), что казачья масса — ярые противобольшевики, — „лучшие русские люди“, сидя за границей, закаляли себя в упорстве — победить коммунистическую головушку, засевшую в Москве, а казаки... надеются, что двенадцать лет жизни за рубежом, борьба с большевиками и дружба с Доб. ар-

мией и иными русскими политическими деятелями, открыли ему глаза на многое, что он в свое время просмотрел... И вот начинается игра в кошку у мышку. Генерал — кошка, казак — мышка.

Кошка: — Идем за Казачьи Края...

Мышка: — Идем... Как вы работаете: отдельно или с кем либо?..

Кошка: — В общерусском масштабе...

Мышка: Лезет в дыру...

Опять начинается все с начала.

Кошка: — Казаки должны чтить институт Атаманской власти, уважать своих представителей...

Мышка: А вот убивали Рябовола, Кулабухова...

Кошка: Политика ген. Деникина была: со всеми ссориться...

Мышка: Если бы Рада...

Кошка: К шутам Раду... Это многоголовое собрание...

Мышка опять прячется в норку.

И опять все начинается с начала.

Мышка (из норы): — Убедили ли вы Атаманов, что Казачество есть народ?

Кошка: Они быть может еще скажут свое слово.

Мышка: О казачьем народе?

Кошка: Каком?.. По Быкадорову мы произошли от казагов-жидов, а если перечислить наши Кубанские станицы, как Пензенскую, Саратовскую и т. д., то выходит что — мы, как я верю, чистейшие русские люди, — мужики!

Мышка скрывается в подполье, чтобы больше не вылазить.

Игра проиграна, но перед концом иногда бывает вопрос о В. Атаманах. Тогда кошка приходит в пафос, который никого не возбуждает, зовет на смерть неизвестно за что, требует жертвы неизвестно во имя чего, выбрасывает боевое знамя, на котором, как на медали, две стороны: одна — Казачество, другая — Россия.

Тогда грозный призраок погибших и казенных казаков встает перед духовными очами слушателей. Мы знаем палачей, обогривших казачьей кровью свои подлые холопские руки. Так с их знаменем идут казачьи вожди?

Это ли не ужас! И рождается та каменная стена, за которой казаки говорят:

*) От редакции. Немногие казаки, вероятно, знают, что „акция“ г. Шкуро в Югославии — уже вторая его заграничная „акция“. Первое его „выступление“ окончилось весьма бесславно полтора или два года тому назад на французской Ривьере. По сколько мы знаем, и настоящая его „акция“ уже „выдохлась“...

Иди, умирай, если тебе хочется — но я тебе не верю, как пересажу верить и своим Войсковым Атаманам. И веру к ним, если она уйдет от меня, ты не воскресишь. Ее воскресит лишь новый Атаман-Президент.

Казачество устало от предательства и авантюры. У него есть свои дела. Ему пришла пора позаботиться о своей Отчизне, о своей Державе, о своем народе, который измучен, обескровлен и... невыносимо опозорен...

Со всеми теми, с которыми связался ген. Шкуро, и с ним самим все кончено. Они усеяли Казачьи Края трупами, украсили виселицами, посеяли предательство, своими ошибками они дали возможность торжествовать и белому наемнику и красному палачу.

Вгорично ошибаться — преступление. Тогда, действительно, погибнет Казачество.

На своей закрытой беседе так и сказали Белградские студенты ген. Шкуро.

Теперь не мешаю задать ген. Шкуро два вопроса: Кому обязаны казаки своим изгнанием: казакам или вождям своим?..

И за что восставали и восстанут казаки?...

И когда он сам себе ответит на эти два вопроса, то поймет — звать Казачество за Атаманами, известными по своей работе каждому казаку (пока не все...), за Атаманами, которые за своим народом не признают прав на самостоятельную государственную жизнь, т. е. другими словами, не доверяют силам Казачества (даже объединенным) — напрасно; звать Казачество на что либо иное, а не за то, что приросло к его сердцу и воспитано всей исторической жизнью — пустая затея.

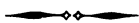
С этим к казакам можно и не ходить.

Тут не помогут ни посулы, ни награды, ни обещания, ни истерический под'ем.

Казачество прозрело.

Ген. Шкуро, по старой привычке, видит в нем слепого и тянет к нему руку, чтобы опять заставить прыгать через канавы, лазить по буграм, подставлять свое брюхо российскому штыку, звонить в московские колокола...

Теперь зрячий должен Вам сказать и я уверен, что Вы услышите его голос.

Еф. Якименко.

То, о чем не все знают.

Очевидно, многие вольные казаки, да и вообще казаки, прочитав эту заметку, будут в претензии на меня за то, что, зная то, о чем речь будет ниже, я молчал до сих пор, но, прочитав внимательно, поймут, что если бы я сказал об этом сразу после отъезда г. Шкуро в Югославию, „спугнул“ бы его и наша казачья молодежь не могла бы „поймать его с поличным“...

Г. Шкуро выехал из Франции при весьма загадочных обстоятельствах. Следя с большим вниманием за его „гастролями“ по Югославии, я все больше и больше удивлялся, конечно, не тому, что он едит из одного пункта в другой, что там кричат ура, или в других местах плачут, а удивлялся тому, что на эти „гастроли“, повидимому, установился серьезный взгляд (не везде. Ред.). Судя по некоторым печатным органам, приезд г. Шкуро в Югославию — есть „начало конца“...

Один кубанский офицер, уже не молодой, пишет мне: „А читал ли ты воззвание генерала Шкуро? Вот это я понимаю, что действо, а не слова; такой казачий патриот, как генерал Шкуро, спасет Казачество от окончательной гибели“... Конечно, такие фразы, как „решительный и смертный бой с поработителями нашего края“ (разбивка моя. Е. Я.), или: „к покинутой семье, родным станицам и хуторам, к Кубани далекой, окровавленной, и будем все за одного и один за всех“, могут зажечь истрадавшую казачью душу; играя на любви казака к его казачьей отчизне, можно достигнуть и осуществления своих сокровенных мыслей и выполнить „социальный заказ“, который, как увидит читатель ниже, г. Шкуро несомненно имел...

Я сказал выше, что г. Шкуро выехал на Балканы при загадочных обстоятельствах: так, например, за несколько дней до выезда из Франции, он считался уже выехавшим отсюда; днем уже не появлялся на улицах, а только вечером; сам г. Шкуро рассказывал, что он вынужден покинуть Францию, так как на него готовили покушение со стороны большевиков, о чем, якобы, его предупредила французская полиция. Между прочим, среди казаков, проживающих во Франции, есть предположение, что ему просто было предложено покинуть Францию, как „нежелательному иностранцу“. В пользу этих предположений говорят многие факты. Ведь известно, что Шкуро никакого заработка не имел; должен за квартиру; выпить Шкуро мастер, в этом хорошо убедились те станичники, которые предлагали ему „чашу“ и от которой он, разумеется, не отказывался. А тут, во Франции, были случаи, что пил и не платил... Но, повторяю, что это только предположение, что его выслали из Франции; никаких документов, подтвержда-

ющих это предположение нет, да и не в этом дело: выслали его, или он сам уехал — важно другое — какую миссию должен был выполнить Шкуро на Балканах?

Сам Шкуро заявил, что едет для того, чтобы „свергнуть“ генерала Науменко, если он не согласится назвать свою определенную „линию“. Что к г. Шкуро в Белграде относились не совсем почтительно, видно из писем, получавшихся здесь, еще когда г. Шкуро был во Франции... Тут и стоит загадка... Что же произошло? То — не особенно лестные отзывы, а теперь кричат на всех перекрестках, возлагают на Шкуро миссию объединения вокруг того, кого ехал „свергать“.

Г. Шкуро при отъезде из Франции средствами на дорогу был снабжен „вождями“, как казачьими, так и „национальными“ и, видимо, они ему и дали определенную миссию...

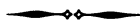
Перед самым отъездом, г. Шкуро нанес визит великому князю Борису Владимировичу и, как и подобает в таких случаях, он отправился к нему не один, а в сопровождении „свиты“ из гг. офицеров-кубанцев. Вот о чем был там разговор, этого никто не знает, пожалуй и „свита“.

Меня вот и не удивляет, что когда казачья молодежь обратилась к генералу Шкуро, чтобы он поставил точку над і, то он пошел на попятную. О многом говорит г. Шкуро казакам, а о том — зачем он ездил к великому князю, да еще ночью (а ночь была темная, шел дождь при ветре), молчит. Надеюсь, что после этой заметки казаки определят цену „призывам“ и „воззваниям“ г. Шкуро.*)

Как видите, братья казаки, тут „механика“ сложная: выезд из Франции после того, как официально уже выехал, определенная миссия, визит к великому князю... Ох, добром тут не пахнет. Чтобы не быть одуроченными, держитесь казаки шлях-дороженьки, которая приведет к светлому будущему, а объединители типа Шкуро могут завести только туда, „де Макар телят пасе“. Гг. офицерам, к которым особенно обращается г. Шкуро, нужно сугубо над этим задуматься...

15 марта, 1932 г. Париж.

*) От редакции. Нам теперь понятно, почему во 2-м номере „Куб. Каз.“, издающегося в Париже, на первом месте появилась статья М. С. так „невинно“ не только „воспомяющая“, но и „настраивающая“ читателей в пользу „конвойную“ и „государеву“...

Думы и мысли.

Олександр Півень.

До булави треба голови.

(Сміх крізь сльози).

Ой не п'ється вино-пиво,
Не п'ється й вода:
Прилучилась на Кубані
Незгода-біда.
Не так біда, не так лихо,
Як чортів розлад:
Розгубило наше панство
Весь козацький лад.
Один верне на Україну,
Другий — на Москву,
Третій сподобав комуну,
Мов Хвеську криву.
Нема добра в правительстві, —
Всі чують біду;
Підсковзнувся сам отаман,
Як чорт на льоду.
Ой не вдержить пан отаман
Довго булави,
Бо до неї, кажуть люде,
Треба голови.
Він хоч голову і має, —
Кебети чорт-ма,
Через те і в отаманстві
Все іде дарма.
Треба доброї кебети,
Ще й козацький хист,
Тоді був би і отаман,
Мов який артист.
А тепер усе без толку
І усе дурне,
Бо ніхто тими ділами
Добре не вкрутне.
Ой не вкрутить пан отаман,
Не вкрутне і Бич,
А на дворці в отамана
Щось віщує сич.
Де не взявся, відкіль виліз
Якийсь пробий-світ:
Це отой, мовляв, Покровський,
Мов із землі кріт.
Поки вештався він по свігу,
Був лиш капітан,
На Кубань же як прибився,
Став великий пан.
Учелився за ту прояву
Отаман-бідун:
„Чи не вирятує всіх нас
Капітан-літун?“
Бачу в очах його храбрість,
Ще й силу ума,
Повну голову кебети,
Що у нас кат-ма.
Нам давно вже таких треба,
Та все не найду:
Бач, упав, неначе з неба,
На очю бід.

Гляньте бо, який бадьорий
І який юнак:
Хай же буде він між нами,
Як справжній козак!“
Так мовляв наш пан отаман,
Бо дуже зрадив,
А Покровський йому з маху
Мов на шию сів.
Кажуть: „здуру, як із дубу“, —
Так було і в нас:
Дуже гідко нам нашкодив
Оцей чортопляс.
Він у пана отамана
Став, як рідний брат,
А для цілої Кубані
Був мерзенний кат.
Скоро він одяг черкеску —
Козацький мундір,
Набрав тридцять партізанів,
Став їм командір.
А тоді той голодренець,
Зайда-капітан,
Наказав себе підручним
Звати: „атаман“.
Швидко він добув і грошей
На свій обхід —
Щоб було за що гуляти,
Та горілку пити;
Бо як ту Донську дружину
Розбрігати мав,
Так до рук своїх скарбницю
Добру запопав.
Так ішло все москалеві
Прямо на добро:
Де була для нас незгода,
Там йому везло;
І чим більше на Кубані
Зростала біда,
Тим Покровський ріс у гору,
Мов та лобода.
Вже Сорокин нахвалювався
На Катеринодар:
Він хотів до нас наскочить
На той наш базар;
Та й посунув кільки тисяч
Під отой Енем,
Бо не знав, що ми найкраще
Тут його побьем;
А покійник наш Галаєв
Був герой справжній
І хоч мав всього шість сотень,
А пішов у бій;
Та й розбив комуну вражу,
Ще й назад погнав,
Хоч і сам тут, бідолаха,
Голову поклав.

Був у битві і Покровський —
Приблуда-москаль,
Та оставсь живий здоровий,
На великий жаль;
І пішла йому даремно,
На добро й користь,
Та Галаєва перемога
Й загублена жисть.
Дав йому за те отаман
Полковника чин:
Отакого він достукався —
Отой песький син!
Тільки вражий авантюрист
Дуже не зрадив:
Він неситою душою
Більшого хотів;
Та й зачав він домагатись
Стати на чолі
Над Кубанськими військами,
Що у нас були,
Щоб Гулигу генерала
З міста одіхнути,
А самому замість його
Командармом бути.
А розумний пан отаман —
Мудра голова —
Все боявся, що урветься
Із рук булава;
На Покровського-поганця
Всю надію мав
І од його порятунку
В цій пригоді ждав.
Та й змістив тоді Гулигу,
Діда-пластуна,
А призначив на те місто
Зайду-літуна.
Та дурна була надія,
Щоб москаль-шахрай
Добре взявся рятувати
Наш Кубанський край;
Бо чорт-мало в його хисту
Військом керувати:
Він у ставці тільки й тямив
Пити що-дня й гуляти;
Та як-раз і допилися
Там усі гуртом, —
Большевицька вража сила
Обійшла кругом;
І зосталося — найкраще:
У такий розгар
Вийти геть і залишити
Катеринодар.

10-III-1932 р.

Почему мы не верим г. Шкуро?

Справка.

... „В один из ближайших дней (ноябрь, 1918. Ред.) ген. Романовский доложил мне, что ген. Покровский и полк. Шкуро, введя в Екатеринодар свои конвойные сотни, решили произвести переворот, предполагая расправиться с черноморскими лидерами и понудить атамана, полковника Филимонова, принять на себя всю полноту власти...“

„Я приказал начальнику штаба вызвать ген. Покровского и передать ему, что категорически воспрещают выступление.“

Ген. А. И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Т. IV, стр. 50.

— А через год, в ноябре 1919 года, „окрепший“ ген. Деникин сам приказал и переворот был совершен. Вот почему мы никаким Шкуром не верим.

Мысли по поводу случая в Скоплье.

Читатель обратил, вероятно, внимание на информацию в этом номере из жизни казаков в Скоплье и согласится также, что случай невольно наводит на размышление о том, как еще много неразберихи может твориться между нами в силу отсутствия общественной опытности и политической определенности. Пора нам убедиться уже в том, что организации аполитические, бытовые, организованные для проведения праздников, досуга, приятных воспоминаний, в лучшем случае для самопомощи, уже излишни и не могут иметь положительного значения. Давно пора казакам выяснить в самих себе свое точное политическое лицо и соответственно этому и образовывать организации.

В Скоплье существовала „Общеказачья станица“, видимо с довольно большим числом членов. Стоял во главе ее политически определившийся, видимо, многими уважаемый атаман, по правилам казачьей традиции избранный. Но, так как не было политической опытности и так как станичный атаман все еще не мог отделаться от мысли о необходимости иметь (совершенно в данном случае неуместное) утверждение генерала Науменко, он (самостийник) посылает об утверждении себя централистом Науменко, человеком определенно ведущим работу в духе программ ОСДКТ.

Само собой ясно, что Науменко, оставаясь самим собой, не мог утвердить атаманом большого станицы самостийника Ковгана и не утвердил. Хорошо; правление станицы поступило совершенно правильно, не поспешившись с неутверждением Науменко, пусть даже называющегося атаманом, и жило своей жизнью, никаких неудобств не ощущая от его немилости. Если бы такое положение продолжалось дальше, то было бы вот что: все несамостийники, враги Казачества, ушли бы и образовали новую станицу, с атаманом, угодным Науменко, а старая станица осталась бы чисто вольно-казачьей организацией и это было бы вполне естественно, ибо не могут жить политические враги в лоне одной станицы.

Но желание быть утвержденным свыше, все таки можно объяснить общественной привычкой, но вот совсем не понимаю и не знаю, как объяснить поступок самостийника Я. Ковгана, который встретил Шкуро на станице с хлебом солью! („Кав. Каз.“ № 3). Что это? Идеологическая неопределенность, политическая неразборчивость, или умышленное задобривание „ревизора“?.. Я не ставил бы так вопроса, если бы казаки подносили традиционную хлеб-соль тому, кого они, законно или незаконно считают главою Войска, но кто такой Шкуро? Один из генералов, своими „действиями“ ослабивших Казачество в весьма некресивом свете. Чего-чего, но хлеба соли от станичного атамана он никак не заслуживал вообще, тем более от Я. Ковгана.

Своим выборным Атаманам наши станицы подносили хлеб соль, но никогда их агентам и курьерам.

Но случилось нечто еще более конфузное, судя по информации Портнова. Приезжает г. Шкуро, частное для станицы лицо, пусть даже известное кубанским казакам; станица к его приезду сзывает сбор и вдруг этот „гость“, как пишет наш корреспондент, заявляет, что у „вас атаман не законно избран“ и предлагает называть кандидатов на пост атамана. Нельзя не согласиться, что случай дикий, но еще хуже то, что станичники покорно начинают называть кандидатов, считая поступок приезжаго генерала за вполне нормальную вещь! Вот в этом сказалось отсутствие навыка в общественной работе*). Мало этого, „развязный“ генерал видит, что выборы произведенные и при его содействии, могут пройти в пользу низлагаемого им старого атамана и он, недолго думая, назначает... „административного атамана“!.. Но это еще ничего, мало ли Шкуро может дикостей выкидывать, пусть бы он назначал каких угодно атаманов, но разве старое правление станицы было вправе передавать дела этому необыкновенному в жизни Казачества „административному“ (чего еще не доставало, прости Господи) атаману?

ну? Нет. А правление старой станицы ничего не нашло лучше, как выложить свои дела, да еще отчитываться перед этими, никем не выбранными, лицами, лишь только в силу приказа „гостя“ г. Шкуро. Нет, как хотите, вы, станичники старой общеказачьей станицы, ударили лицом в грязь...

И отчасти хорошо, что Шкуро, так сказать, копнул ногою ваш хлеб соль. Это будет наукой и для вас и для других. Ясно, что Шкуро ехал в Скоплье с определенной миссией — разрушить правление, руководимое вольным казаком, и никаким тут хлебом-солью задобрить его было нельзя и Ковган попал в смешное положение.

Конечно, хорошо, что вы шуруинцев забили в веселый за столом в кафане, не плохо и то, что перетанцевали и перепели их, но, откровенно говоря, вам совсем даже нечем похвастаться. Вам нужно было не петь, а плакать от стыда, что так легко дали себя одурачить простому нахрапу. Ведь это если по вашему примеру идти, завтра же генерал Богаевский пошлет какого-нибудь своего эмиссара и прикажет поснимать с постов всех вольноказачьих атаманов по Франции. Они это хотели уже и делать, но, во-первых, та станица, которая имела неосторожность обращаться за „высочайшим утверждением“, оказалась все таки под конец настолько умной, что начала на неутверждение Богаевского и на его предложение переизбрать и не оказалась в постыдном положении, а другие станицы, уже организованные по чисто политическому единству, совсем не сочли нужным обращаться за утверждением и Богаевский туда уже не суется...

Вот что каждый вольный казак должен твердо помнить: атаманы наши (формально-бывшие, конечно) не разрешают казакам принадлежать к вольно-казачьему течению и если кто из казаков, тем не менее, имеет смелость исповедывать эту идею, тот должен уже знать, что ему к Науменко и Богаевскому незачем обращаться ни по какому делу, тем более за утверждением...

Второе, это то, что где только есть хоть три-четыре вольных казака, они должны заложить свою вольно-казачью организацию и держать связь с вольно-казачьим центром, т. е. с центром своего политического движения. Ведь это так ясно, что долгих пояснений не требует.

Печально, что казаки так разделились, но такой факт есть и это нельзя забывать. Конечно, путем откровенных бесед, путем честной мысли казаки могут сговориться и прийти к одному, но с господами Богаевскими все покончено, ни они для нас и ни мы для них уже „своих людей“ не представляем, это наши национально-политические враги и между нами сентиментальностей уже быть не может...

Но, так или иначе, Скопльнская Общеказачья станица попала в незавидное положение. Что теперь делать? Единственное это — заложить свою вольно-казачью станицу, если вас там есть десяток человек; хутор, если пять-шесть; курень, если три человека. Сответствующие инструкции для таких образований и на первые шаги „ВК“ уже даны и в каждом почти номере „ВК“ приходится регистрировать вольно-казачьи организации, возникающие по этой инструкции в разных странах. Это совершенно правильно, неизбежно и необходимо, коль скоро мы занимаемся политикой, а не словесованием.

„Ой гук!“ песня хорошая, но плохо, что заезжий генерал закрыл вашу станицу и назначил „административного атамана“, а вы с этим согласились...

Давно пора нам, казакам, политически определиться, знать кого встречать об'ятиями, а кого послать куда следует, если посягают на ваши права и суются туда, куда не следует. Вольным казакам приходится в этом отношении ставить минус в сравнении с другими партиями. Чаше всего наши вольные казаки суются с своими информацией и другими материалами в чужие для нас журналы: в „РК“ (когда он был), „КД“ и „КК“, как будто им места нет в своем вольно-казачьем журнале. Ведь „русские казаки“ нам своих материалов не дают, наших руководителей с хлебом солью тоже, вероятно, не встретят...

*) От ред. Затем некоторые генералы и добиваются от казаков, чтобы они не занимались политикой.

Никогда не нужно гнаться за количеством, если это связано с политической неопределенностью; нам нужны только настоящие, безоглядные, бескомпромиссные вольные казаки, не боящиеся открывать и защищать свои политические исповедания. В этом отношении Я. Ковган всегда мне представлялся стопроцентным, этого убеждения не оставляю и сейчас, а потому, мне кажется, что он просто попал впросак с своим окружением по политической неопытности. Да послушит ему и другим шкурковский урок на пользу.

Ш. Н.

Прикормленный волк не всегда в лес смотрит, а иногда и в тот двор, где его накормили.

По моему, совершенно нечего удивляться тому, что генерал А. Шкуро отказался подписать предложенное ему казачьей студенческой молодежью в Белграде заявление о том, что он (Шкуро) будет честно бороться только за идеалы, честь и достоинство Казачества. Да, много их у нас найдется, к сожалению, таких старых военных и политических деятелей, которые на словах, когда нужно поморочить казакам голову, будут бить себя в грудь и кричать о любви к Казачеству, что жизнь отдадут и пр., но подвернись случай на деле это показать, так они и закрутятся. Белградские студенты очень умно поступили, что так прижали к стенке А. Шкуро. Давно ли он из кожи лез в Новом-Саду, доказывая казакам о том, какой он преданный нам казак, а вот когда дело коснулось публичного, документального подтверждения этой его любви, он „открутился“. Теперь ясно, что у него на словах одно, а на уме другое.

Стоит только оглянуться назад, в недалекое наше прошлое, чтобы увидеть в нашей жизни предательскую роль не одного из наших волков, прикормленных Россией. Говорят, что „времена меняются, а с ними и люди“, но теперь приходится добавить к этому, что и волки меняются. Раньше была вера, что сколько волка не корми, а он все в лес смотрит, а теперь и волки пошли уже не те...

Много, много их, наших же казаков, увлеченных ролью „общероссийского масштаба“, чинами и орденами, высокими постами и другими царскими милостями, предавали интересы своего народа. То что творилось над Казачеством с июня 19 года вплоть до сдачи

Кубанской Армии на Черноморском побережье, нельзя в отношении многих наших тогдашних вождей иначе рассматривать, как предательство. А ведь многие из них могли в те трудные дни оказать неоценимые услуги Казачеству, будь они на самом деле преданы интересам его. Например, вспомнить только случай с нашей Радой; ведь можно было предостеречь кого надо, а могли и решительным словом многое предотвратить, а что мы видели?.. сами поддерживали, а иные и науськивали посторонние силы на свой парламент, на своих народных избранников. Например, роль бывшего Атамана Филимонова?..

Нет, господа Шкуро и Филимоновы, довольно с вас. Раз мы были обмануты вами, да не дай нам Бог ошибиться и другой раз. За вами теперь мы не пойдем. Достаточно того, что, идя за вами, я уже пролил кровь (в буквальном смысле слова). Казачество тогда не было политически и национально сознательным, да теперь уже у нас глаза, слава Богу, хоть немного приоткрылись. Много вы нас околпачивали, на нашей простоте делая свои дела, да теперь у нас проявился после жестокого урока разум и будут у нас опять, как у наших дедов, свои Кошетье, преданные делу казачьей свободы, предпочитающие родное казачье спасибо, царской награде за предательство своей родины.

Вы учуяли, что просыпается Казачество и забеспокоились и потому пошли такие доклады, вроде Харламовских, где он тиетно старался доказать, что самостоятельное движение среди Казачества новое и искусственное явление. Если бы это было так, то нам не надо было бы беспокоиться. Вы это говорите, но сами этому не верите. Самостийное движение в Казачестве это наше, чисто народное, казачье движение. Я простой казак, в политике не умудрен, но знаю, что я — казак, а не русский, и за Казачество и его свободу жизнь готов отдать.

Надо нам, братцы казаки, уметь отличать волка, прикормленного Москвой, от волка настоящего. Прикормленный волк, это все равно, что собака, — кто хорошо накормил, тот и хозяин. Нужно нам научиться отличать своих настоящих, нам преданных казаков, без различия Войска, от казаков, которые могут быть предателями Казачества, а особенно упаси Боже доверять тем, которые уже однажды нас обманули и погубили.

Сотник Анфим Андруха (инвалид).

Сошо. Франция.

Пресса.

„Prométhée“ по случаю 100 номера „В.К.“.

В издающемся в Париже на французском языке „Прометее“ — ежемесячном журнале, посвященном делу проповеди во внешнем мире освободительных стремлений Украинно-Кавказо-Туркестанских, в вышедшей мартовской книжке помещена следующая статья г. М. на французском языке под заглавием: „La Cosaquie libre“, посвященная 100 номеру „В.К.“:

„Вышел 100-ый номер двухнедельного журнала „Вольное Казачество“. Мы хотим отметить на страницах „Прометее“ этот юбилей, как знаменательную дату не только в жизни самого казачества, но и в общем развитии идеи национального самоопределения. Если борьба за национальную самостоятельность Украины, Кавказа и Туркестана кажется всем вполне естественным стремлением не русских народов к государственной независимости, то к идее создания самостоятельного государства казаков, носителей и поборников которой является „Вольное Казачество“, многие привыкают не сразу. Объясняется это тем, что большинство из нас, если не все мы, привыкло считать казаков неразрывной частью русского народа и даже оплотом русского государства. И нужно быть благодарными русской революции, разрушившей многое множество привычных нам понятий и в том числе наше старое

представление о казаках, при свете истории не выдерживающее серьезной критики.

Заслуга „Вольного Казачества“ именно в том, что оно, утверждая идею о казаках, как об особой национальной формации, делает отсюда вполне логические выводы о праве казаков на самостоятельное, независимое от России государственное бытие.

Для внимательных читателей „Вольного Казачества“ ясно, что свое право на государственную независимость „вольные казаки“ основывают не на одном только историческом прошлом, но и на наличности особой казачьей территории и, что особенно важно подчеркнуть — на наличии казачьей психологии, совершенно отличной от психологии русских.

О силе казачьей психологии, отличающей казаков от русских, можно судить хотя бы по тому, что даже такой „русский“ казак-профессор Марков, сторонник вхождения казаков в федеративную связь с Россией, и тот вынужден говорить, что, „если Россия не даст казакам федерации, то он (Марков) будет защищать самостоятельность“ (см. „В.К.“. № 98, стр. 27).

Мы хотели бы и здесь, в заявлении профессора Маркова, подчеркнуть роль „Вольного Казачества“: не будь постоянного упора „В.К.“ на особую национальную

формацию казачества, исторически, экономически и социально отличающую его от русских, едва ли проф. Марков, сотрудник Миллюкова и Керенского, решился бы публично высказать свою не-русскость.

„Вольное Казачество“ мыслит будущее казачье государство — „Казакую, как Союз 7 основных единиц: Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Яика (Уральское Войско), Оренбурга и Калмыцкой области“. Эго, по словам „Вольного Казачества“ — программа-максимум, которая, значит, может в ходе развития событий претерпеть изменения.

Сейчас, с точки зрения общих интересов борьбы подвластных России народов за национальную независимость, важна самая постановка вопроса о независимом Казачьем государстве. Успех идеи казачьей самостоятельности — это успех для нас всех.

Для Украины, Кавказа и Туркестана иметь себе союзником в борьбе за идеалы национальной независимости Казачество представляет огромной важности событие. С своей стороны и Казачество легко достигнет своей цели — образования Казачьего государства, если оно сможет опереться на дружбу и поддержку названных стран.

Чем отчетливее и полнее будет понята эта взаимозависимость целей „Вольного Казачества“ и фронта „Прометей“ всеми нами — и казаками и прометеевцами — тем увереннее мы пойдем на завоевание нашего — и казаков и прометеевцев — священного права на национальную государственную независимость.

Привет горячему борцу за идею казачьей независимости — „Вольному Казачеству“.

— Мы намеренно перепечатали эту статью целиком, чтобы тем самым подчеркнуть начало сговора народов борющихся за свое освобождение. Мы давно уже стоим на почве необходимости соглашения этих народов, и создания ими общего Союзного фронта борьбы за освобождение. С этой точки зрения мы можем только искренно приветствовать статью в „Прометее“ и еще раз заверить, что мысли, в ней выраженные, о взаимозависимости целей В. К. и фронта „Прометей“ — разделяются нами совершенно.

„Н. Ч.“ о 100 номере „В. К.“

Украинская газета (Львов) „Новый Час“ отметила 100 номер „В. К.“ помещением статьи М. Б. под заглавием „Свято самостійницького „Вільного Козацтва“, в которой, в тоне, противоположном недавнему тону п. п. Сагардинських пишут:

„Факт виходу у світ сотого числа незалежного політично-літературного журналу, який проповідує визволення й удержавлення усіх козацьких Земель, являється великою подією.

Цей факт є значною подією і для нас, Українців, що уважно прислухаємося до визвольних рухів усіх по-

неволенних народів б. і теперішньої Росії.

Визволення та удержавлення нашої рідної землі, згідно московської кормиги можна найпевніше забезпечити шляхом тісного і постійного зв'язку з всіма народами, які так само борються за своє визволення.

Ідучи цим шляхом і наважуючи найтісніші приятельські стосунки зі своїми ближчими і дальшим сусідами — Білорусією, Грузією, Вірменією, Горцями Кавказу, Азербейджаном, Ідель-Уралом і Туркестаном, не сміємо випускати з уваги та виключати з цього фронту найближчих і найрідніших по крові сусідів-козаків.

Не сміємо забувати, що і в часі бойового зриву і в часі мирного співжиття, найближчі й найактивніші наші життєві зіткнення і стосунки відбуватимуться з козаками.

З цієї причини не можемо поминути і такого важливого явища, як вихід у світ сотого числа козацького самостійницького журналу „В. К.“, що на сторінках своїх ста чисел протягом чотирьох з лишком років ясно позначили свої самостійницькі стремління.

Сто чисел козацького самостійницького журналу „В. К.“ — наслідок впертої простолінійної праці на чужині серед несприятливих злиднених емігрантських умов — це справді зразок завзяття і козацької витривалості.

Тож і від себе бажаємо горячо самостійницькому „Вільному Козацтву“ та усім нашим приятелям вільним козакам-самостійникам успіхів у їх тяжкій праці та що найскоршого зреалізування їх визвольних прагнень.

З нагоди виходу сотого числа самостійницького козацького журналу „Вільне Козацтво“ щиро вітаємо усіх Вільних Козаків з їх ювілейним святом!

— Нам залишається лише одно: так же щиро побажати, щоб такий тон і таке відношення до нас за своїли собі всі українці.

„Русский Голос“ о Казакии.

Случайно попал к нам в руки номер „Русского Голоса“ от 21 февраля с. г. (Белград) со статьей некоего П. Н. „Казакия“. Есть в ней (статье) и некоторые вещи, мимо которых пройти без ответа не следует.

Само имя Казакия для „Р. Г.“ „странное и неблагозвучное“. — С нашей точки зрения это дел(о) вкуса: кому — странное и неблагозвучное, а кому — свое, родное, а значит и не странное и благозвучное.

„Поминает“ „Р. Г.“ и нашу Конституцию, но откуда, напр., он взял следующее: „Написана и объяснительная записка к ней, состоящая исключительно из брани по адресу России и предъявления к ней всевозможных обвинений, но цели, требующей образования „нового государства“ не указывающая“. — Откуда сие? Самый проект объяснительной записки к напечатанной нами Конституции пока только — в проекте и предполагается к опубликованию только с отдельным (книжным) изданием Конституции. Если „Р. Г.“ считает за

О Т Р Е Д А К Т О Р А .

21 сего марта я получил письмо от одного из казаков из Югославии, в котором он пишет мне, между прочим, и следующее: „... я встретился со Шкуро и долго беседовал. Он оправдывает Науменко за его Миллеровское направление... Между прочим, он говорил, что Вы приглашали его быть Походным Атаманом, ... и что он скоро опять будет у Вас...“

Весьма возможно, что ген. Шкуро говорил подобные вещи не только автору настоящего письма, А посему настоящим самым категорическим образом заявляю: ген. Шкуро никогда у меня не был. Я не приглашал его в Походные Атаманы ни сам лично, ни не уполномочивал делать этого никого другого. Заграницей я его никогда не видел и до сих пор совершенно не интересовался тем, где он и что делает. Такие „сообщения“ ген. Шкуро тем более странны, что в В. К. вопроса о Походном Атамане не ставилось еще вообще. Неправду (выражаясь мягко!) ген. Шкуро можно объяснить единственно тем, что он, вероятно, „упреждая события“, „пропагандирует“ сам свою „кандидатуру“, не стесняясь прибегать и к таким приемам „агитации“.

Вероятно, слабы дела у ген. Шкуро, раз ему нужно кого то вводить в заблуждение. Там, где дело чистое, там ложь не нужна!

об'яснительную записку несколько вступительных слов от редакции в № 96 „В. К.“, то там нет ни слова о России, нет брани ни по чьему адресу и не предъявляется никому никаких обвинений. Что касается „целей, требующих образования нового государства“, то мы их не только не скрывали, но всячески на протяжении всех 100 номеров „В. К.“ объявляли и пропагандировали.

То, что написано дальше — нельзя иначе понимать, как попытку убедить казаков в том, что им и не нужно, и не выгодно, и вообще не следует думать о своем государстве, т. к. „все равно их мечты не могут быть осуществлены“.

Все же следует заметить, что „тон“ статьи гораздо более человеческий, чем это было в русской прессе в начале выхода нашего журнала четыре года тому назад, или сейчас в „Возрождении“.

Что касается нашего ответа „Р. Г.“, то мы могли бы его найти в том же номере самого же „Р. Г.“ В самом деле: прочитайте в статье Ф. Миляновского:

... „Недавно один заграничный наблюдатель жизни в нашем Отечестве, на вопрос, как может произойти перемена жизни в России, заметил: „50 решительных человек во главе с одним капралом могут изменить судьбу 150 миллионного населения России“... А еще ранее на подобный же вопрос почивший французский маршал Фош отозвался так: „Я не думаю, что в России останется до бесконечности большевистский режим, но думаю, что Советы долго останутся у власти, ибо

русские слишком апатичны, чтобы изгнать их своими силами“.

— Так пишется у вас о вашем же народе (без оговорок, значит — согласны с тем и вы). Слушайте: ведь если бы у нас не было даже своей собственной цели, а была одна общая с нами цель — свержение сов. власти, то и тогда нам пришлось бы весьма серьезно подумать о том, стоит ли связываться с такими „союзниками“.

А что вы, русские, делаете в эмиграции? — Читайте опять таки у себя же, в статье проф. А. Билимовича: „А в это время в русской эмиграции и отдельные лица и группа за группой, вместо неустанныго и настойчивого крика о лжи большевизма и преступлении большевиков против русского народа, вместо напряжения всех сил и всего умения для доступной борьбы с большевистским обескровливанием народа, — переходят в лагерь восхваляющих „достижения“ большевиков и тем становятся их пособниками“. Или:

„Главная разница между пореволюционным и дореволюционным сознаниями сводится к тому... что для дореволюционного сознания большевизм — только ложь, а для пореволюционного он не только ложь, но в известном смысле и истина“...

— Где же у вас, русских, лучше: там или здесь? Вам вот кажется, что наши „мечты не могут быть осуществлены“, а уверены ли вы, что осуществляются ваши мечты? Думаем, что мы не ошибемся, если скажем, что мы в свои мечты имеем гораздо больше доверия, чем вы в ваши.

Торжественное заседание по случаю выхода 100 номера „В. К.“, состоявшееся в Белграде.

По инициативе группы ВК в Белграде состоялось под председательством представителя журнала „В. К.“ в Югославии Б. А. Кундрюцкова собрание по случаю выхода в свет № 100 журнала „В. К.“ Помещение ресторана, в котором происходило собрание (встреча), было украшено национальным знаменем Казакии, гербом и портретами: К. А. Булавина, Н. С. Рябовола и др. На собрании присутствовало всего сорок человек, т. к. приглашений особых не было, а ВК, ходатайствующие сейчас о своей легализации, никаких публикаций в газетах не делали.

Среди присутствующих были казаки разных Войск. Среди них ген. А. М. Сугулов, г. Борисенко, А. П. Черный, атаман студ. станицы Н. Ф. Букин, писарь станицы П. Ф. Зрянин, гелюн С. Г. Меньков, студ. Кульдинов и др. Особенно приятно было казакам видеть Голову местной Украинской Громады пана Зиверта, секретаря В. В. Андриевского, инж. Новицкого, пана Демченка, и др. Многие из присутствующих пожаловали со своими семьями, чем придали собранию интимный и душевный характер. На собрании отсутствовали, к сожалению, многие из тех, кому не мешало бы послушать то, что на нем говорилось, а также познакомиться с некоторыми фактами, которые по своей новизне не являются достоянием широких масс.

Председатель собрания Б. А. Кундрюцков открыл собрание здравицей Королю и Югославянскому народу, благодарил за приют, оказанный казакам, вынужденным покинуть свои Края, после чего и было приступлено к выполнению программы столь торжественного для движения ВК дня. Слово председателя:

Дорогие станичники и гости!

Являясь официальным представителем Центра, я сегодня взял на себя роль председателя собрания, посвященного знаменательному событию в жизни зарубежного Казачества. Беру на себя и смелость, по силе моих способностей, поделиться с Вами всем тем, что нас, казаков, сейчас волнует и за что мы боремся. Я прочитаю Вам те основные положения и те цели и задачи всего ВК-ва, которые, как Вы видите, вместились в короткие выдержки, приведенные в № 100. Они со-

вершенно ясно открывают идеологию самостийников.

Прочитав их, председатель подробно остановился на ведущем Центре, характеризовал Редактора И. А. Билого, как человека глубоко идейного, обладающего достаточной волей для неустрашимого стремления вперед к счастью казачьего народа и для борьбы за его лучшее будущее, а затем сказал: Поделившись всем этим и отмечая несомненный рост движения под мудрым водительством, скажу, что выдвижение такой идеологии знаменует собой радостный момент наступивший снова в казачьей истории со всей своей ясностью и законченностью — момент политической зрелости Казачества, сознания своей мощи и своих вековых прав... Но, выдвигая свою программу, ясно, что волные казаки не могли не чувствовать, не знать и того, что, тем самым, они принимают на себя тяжелую обязанность — вернуть славу и честь своей Родине, дать мир своему народу, спасти то, что многие и многие считают безвозвратно утерянным и... погибшим.

Не раз задают нам вопрос казаки не идущие, пока, в русле нашего движения: — Правильен ли ваш путь и ваша ориентация, будет ли успех вашему делу и в чем вы этот успех усматриваете, хотя бы сейчас... Хотя отдаленно чувствуете ли вы, В. К., указания на осуществление вашей цели?...

Да, дорогие станичники, мы убеждены до глубины души в том, что мы на правильном пути, и мы убеждены совершенно спокойно в том, что успех будет и Казачество, рано или поздно, станет независимым.

Разберемся в обстановке, существующей в данный момент. Она нас должна чрезвычайно интересовать. Уяснив ее себе, Вы поймете: почему мы все это исповедуем. Казачество возрождается. Иностранная печать знакомится с нашим движением и с каждым днем узнает казаков и их стремления все больше и больше; планы других поработанных народов совпадают с нашим планом и, наконец, стремление нашего народа там, в СССР, служит исчерпывающим ответом на первый вопрос. Мы, казачья эмиграция, не можем идти против воли оставшихся, всех мучающихся в Соловках, всех переживших

Новороссийскую трагедию и тысячи всяких иных предательств и мук.

Я угадываю, что выдумаете о русской эмиграции... Буду говорить о ней. О ней надо говорить, надо кричать в ухо каждому казаку. Ведь то, что происходит в отдельных ее частях сейчас, лишним доказательством служит тому, что казаки должны поголовно принять ориентацию ВК: надеяться только на свои казачьи силы...

Из уст проф. Ильина мы слышим, что русск. эмигрантские движения, не находя себе отклика в толще русского народа и живых корней „никаких перспектив, кроме резни и провала“, не имеют... На ряду с этим, г. Львов пишет, что по силе и распространённости самостийное движение в СССР стоит на втором месте после компартии. Так говорится в „Возрождении“ и в печатном органе младороссов. Что же пишут „Дни“? Керенский, признавая за русским народом неспособность на политический протест против коммунистической диктатуры, и сознавая мощь создающегося внутреннего фронта против СССР (Великороссии), сознается в бессилии чем либо прогнать. А если теперь я поделюсь темой доклада С. С. Маслова, лидера „Крестьянской России“, сказанного им на днях в Белграде, то станет ясно, что кроме своего внутреннего казачьего фронта у самостийников другой опасной силы за рубежами Казаккии — нет. Пусть об этом задумаются борющиеся против нас казаки. Они губят, стараются задушить казачье детище, стремятся убить в казачьей душе стремление к национальной свободе, к старой Воле казачьей... Имеют ли они на это моральное право?...

С. С. Маслов говорит: идет, видимо, идейная капитуляция перед большевиками. Ознакомившись с обращением Кирилла Владимировича, с речью Артемьева на собрании „Дней“, выступлениями таких публицистов, как г. г. Степун и Степанов, и можно сказать, что часть эмиграции становится опять на сменовеховский путь.

Что происходит в России?... — задают они себе вопрос. Правы ли мы в своей борьбе против власти, царщей сейчас там, у нас? — и как бы соглашались, что неправы в целом, но если и надо бороться то против частностей и мелочных изменений...

Нам, казакам, надо с полным сознанием и с полным спокойствием относиться к возможному развалу, надвигающемуся к русской эмиграции. От таких сдвигов, беспощадные группировки эмиграции могут в будущем или слиться с большевиками, или свариться в собственном соку и, поэтому, мы не заботимся о приобретении себе русских друзей, — ведь при частичном изменении тактики, или правления большевиков, восстановление Казачества для них — пустая и никому не нужная вещь!... И не надо лстить себя несбыточными надеждами — эмиграция русская будь она вся, в конце концов, красная или розовая, или оставаясь белой до могилы, она всегда будет непримиримым врагом национально-мыслящего Казачества.

Теперь я перейду на казачий зарубежный фронт (внутренний), там — под игом — мы знаем, такового не существует.

С каким напряжением, с каким трудом, через проклятия и угрозы, через страдания, отказываясь от всего, чем многие быть может и по сейчас из вас дорожат, развернули мы снова национальные казачьи знамена!

Что же происходит под влиянием нашего смелого слова, нашего жертвенного и сознательного служения Казачьей Идее? Откройте № 100 журнала „Вольного Казачества“ и вы увидите статью-обращение „Казак к казакам“, подписанное 150 националистами-казаками, проживающими в разных местах Франции. Это не похоже на обыкновенные жидкие протесты против отдельных лиц или против того или иного явления в зарубежной казачьей жизни.

Верьте моему слову, что если бы о таком обращении знали своевременно ВК в Югославии, то, с полным сознанием ответственности перед своей Родиной, сознанием долга перед своим народом они также подписались бы под ним, не страшась никаких нападков. К таким обращениям, носящим массовый характер, просто

так отнестись нельзя и пройти мимо этого с опущенными глазами невозможно. Скажешь: — „горсть самостийников“ — ни один казак этому не поверит.

— Горсть, оно верно, горсть... как будто... — скажет любой казак, но что-то уж они здорово во всех странах и в каждом закоулке завелись... Глаза и уши и правдивые слова казачьи шагу вам ступить не дают...

И такой казак будет прав. У нас пополнение — есть, у наших противников его нет.

Лихорадочный темп, с каким развивается национальное движение и укрепляется в своих позициях — лишнее тому доказательство. Ведь в нашем распоряжении только наша короткая жизнь, умерши мы не сможем служить казачьему народу. Надо творить и творить, чтобы у нас могли учиться грядущие поколения.

Итак, заканчивая свой доклад, перечислю те положения, которые я затронул в начале, и сделаю выводы: первое — это верен ли абсолютно наш путь?... доказательством тому служит смущение и сознание своего бессилия казачьей старшиной, швырявшей когда-то в нас грязными камнями; второе — сильно ли наше движение и ждет ли его успех? — этому доказательства пробуждение зарубежного Казачества, героическая борьба Казачества там, в Казаккии, и наша вера в свои силы, в светлое недалекое будущее нашего народа...

Вторым докладчиком выступил П. М. Мерзлякин на тему: „Историческая преемственность у Вольного Казачества“.

Третьим выступал Н. М. Дмитренко на тему: „Долг зарубежного казака“.*)

После докладов последовал перерыв. Затем выступали:

А. П. Черный с пением каз. песен под акомп. бандуры. Тихие струны старинного инструмента оставили неизгладимое впечатление, а слова про мать-Кубань, которую никто „не рятуе“, где вырастают казачьи некрещенные дети — тяжелым камнем давили казачьи сердца. Вторая песня, где казачка не пускает казака в Крым, — еще больше подчеркнули трагедию Казачества.

Н. Ф. Букин сказал теплое слово о Юрии Гончарове и прочитал его стихотворение: Осень, Синий щит, и третье стихотворение, которое окончил незабываемыми словами этого певца Вольного Казачества:

— Если ж пулю в час безликий

Сам себе сыщу,

Умирая в Поле Диком,

Всем и все прошу...

Б. А. Кундрюков прочитал стихотворение, посвященное № 100 „ВК“. П. С. Поляков прочитал свою новую поэму, напечатанную в № 100 „ВК“ — Галина Булавина.

Поэмы П. С. Полякова исключительно выдающиеся. Если кто из казаков читал стихотворение П. С. Полякова: „Слушай же матушка, Русь бестолковая!“, напечатанное в одном из первых номеров „ВК“, и которое, попав на Дон, казаками размножено и ходит там в наших разоренных станицах из рук в руки и вызывает такое-же настроение у наших братьев, тот поймет, в чем сила нашего движения, и правы ли деятели, певцы, писатели и др. казаки, идущие с высоко поднятым национальным стягом.

Председатель благодарил всех посетивших собрание и закрыл его.

Начавшееся в 4 часа, собрание кончилось в 7 час. вечера. Имевшиеся у Президиума №№ 100 „ВК“ были разобраны гостями и многим желающим его получить, хотя бы для прочтения, пришлось в этом отказать.

Когда остались в помещении одни казаки, по усиленной просьбе поэт П. Поляков прочитал еще нигде не напечатанную свою поэму „Дядя Янош“. По новизне сюжета (там сходятся пути венгра и казака на берегах Тиссы) эта поэма не уступает предыдущим его произведениям.

(Соб. Кор.)

*) От ред. Содержание двух последних речей будет напечатано в след. ном.

Предварительный ответ ген. Ис. Быкадорову.

Перед выпуском настоящего номера, редакцией получен номер „Возрождения“ от 19 сего марта, в котором помещено „Открытое письмо казакам“ ген. Ис. Быкадорова.

Непосредственный повод своего „выступления“ ген. Быкадоров формулирует так: „В казачьих организациях (станицах) были в последнее время попытки сбора денег на „вольно-казачий с'езд“ для избрания „нового“ донского атамана. Были случаи упоминания моего имени, как лица, тесно связанного с казачьей самостоятельностью“.

Далее следуют „8 пунктов“, „доказывающих“, почему „казачья самостоятельность — является не благом, а большим злом для настоящего и будущего казачества“, и заканчивающихся „поддержкой“ ген. Богаевского.

Надлежащий ответ ген. Быкадоров, конечно, получит. В данном случае ограничиваемся следующим кратким заявлением:

Ген. Быкадоров сам выдумал (или должен был выдумать?) этот непосредственный повод своего „выступления“, ибо все хорошо знают, что в действительности не „были в последнее время попытки сбора денег на „вольно-казачий с'езд“, а этот сбор денег происходит постоянно уже четвертый месяц. Что касается программы с'езда, то она еще не объявлена, но вряд ли с'езд будет выбирать „нового“ донского атамана.“ Категорически утверждаем точно также, что ни в связи со с'ездом, ни в связи со сбором денег на него имя ген. Быкадорова в в. к. кругах или организациях не упоминалось, ибо все хорошо знают, что уже около двух лет (20 месяцев!) В. К. ничего общего с ген. Быкадоровым не имеет.

Отмечая пока, что „письмо“ ген. Быкадорова — явление того же порядка, как и бывшее в свое время „выступление“ Глазкова, считаем необходимым самым категорическим образом протестовать против приписывания нам того „неизвестно чего“, что „грозит опасностью использования казачества — как пушечного мяса, для целей и задач, совершенно ничего общего с благом его не имеющих“.

В. К. не на ветер неоднократно заявляло, что оно и возникло для того, чтобы казаки никогда уже не были чужим пушечным мясом, как были они пушечным мясом под водительством того, кому служит в данный момент ген. Быкадоров. Еще раз, с сознанием всей ответственности за свои заявления, говорим: В. К. всеми своими силами, какими оно будет располагать, будет бороться против всяких попыток, с чьей бы стороны они ни исходили, использовать казаков не только как пушечное мясо, но и иначе как — положим морально! — не в интересах Казачества. Это мы — В. К. — проповедем: Судьба Казачества должна быть в руках самого Казачества.

Должны точно также заявить, что до сих пор никто, ни прямо, ни косвенно, не пробовал так или иначе использовать казаков через В. К. в своих интересах. Для нас не подлежит никакому сомнению, что такие „приемы“ ген. Быкадорова — простое агитационное средство в пользу его сегодняшнего „союзника“. И мы с своей стороны считаем своим долгом еще раз предупредить казаков, что опасность использования Казачества как пушечного мяса в чужих интересах, грозит не со стороны В. К., а со стороны: Миллер-Богаевский-Быкадоров.

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: от Н. М. Дмитренко (Белград) — 25 кч.; от Н. Н. (Белград) — 20 динар; от Е. М. Якименко (Париж) — 20 кч.; от Б. В. Фесенко (Варшава) — 18 кч.; от Е. Тишина (Морава) — 20 кч.; из Суботицы (через П. С. Солнцева): от П. Солнцева — 23 дин.; Н. Пронькина — 10 дин.; П. Свириденка — 10 дин.; В. Позднышова — 10 дин.; К. Ситникова — 5 дин.; К. Милованова — 2 дин.; С. Явтухова — 10 дин.; М. Чеботарева — 10 дин.; И. Шалунова — 10 дин.; Г. Габиева — 10 дин.

До хвальної редакції шановного журналу „Вільне Козацтво“.

Високошановний пане Редакторе!

В Вашій особі привітаємо в імені Українського Громадянства в Туреччині все вільне козацтво з виходом 100-го числа козачого журналу „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“ — цього єдиного справжнього козачого органу.

Здається, 100 чисел не велике складає число, але — що вже ці 100 чисел зробили?... Вони не тільки з'єднали всіх справжніх вільних козаків всього світу в єдину міцну сім'ю, — вони ще й спричинилися тому, що про вільних козаків нарешті заговорили і в великих центрах світової політичної думки чужоземці, та... підняли глас „брати єдинонеділнмовці“, відчувуючи, що фронт стремлячих до визволення народів б. Росії посилюється добре відомою їм силою козацьких списів та шабель...

На жаль, приходится констатувати, що цей рух В. К. добре вже оцінюється обороняючимися москалями, але не на фронті наступаючих на них...

Ближчим сусідам вільних козаків — слід бы вже було на це звернути увагу та заздалегідь виправити б де які хиби...

До того ж, брати — вільні козаки — завше та всюдо підкреслюють свої симпатії до борючихся за свою

незалежність поневолених народів... Віримо, що настає згода... А буде згода, то буде і перемога для всіх...

Бажаючи дальшого розвітту „Вільному Козацтву“ на страх нашим спільним ворогам,

застаємось глибокошануючі Вас

М. Забелло. Согник-голова.

Ол. Петровский. Підполковник-секретарь.
Царьгород. 24 лютого, 1932.

Від ред. Місгемо цього листа з двох причин. За перше тому, що привітання шановної Громади, послане на наше свято 10 грудня, до нас чомусь не дійшло, а друге — для того, що дійсно, жаль і нам, що не все в гаразд на фронті наступаючих. Отже, треба, щоби не лише ми працювали для згоди та порозуміння, але і наші сусіди. А для цього треба, щоб де-хто з них не перебивав на свої плечі російського єдинонеділнмовства...

Вольные казаки в Братиславе.

13 марта в Братиславе состоялся сбор вольно-казачьего куреня имени Юрия Гончарова. Заседание сбора открыл атаман куреня Безуглов И. И. приветствием к собравшимся, в котором обратил также внимание на современную международную обстановку, на необходимость спайки и крепкой дисциплины, на атаманов и других „вождей“, разделивших войсковую казну и „умывших“ руки. Указал на молодые силы казачества, воспринявшие в большинстве идею Казакии и открыто выступившие на борьбу за истекающее кровью Казачество.

Призывал к большей жертвенности на казачье дело, в частности на вольно-казачий с'езд не жалеть крон, помня ничтожность нашей жертвы в сравнении с важностью стоящих перед нами исторических задач.

После приветствия атамана был избран единогласно председателем сбора инж. Минаев М. В. и писарем Еременко Г. Л.

Предложенная повестка была принята без изменений.

Атаман сделал обширный доклад о деятельности Правления за истекший год, указав между прочим и на то, что за последние 4 месяца студентам неинженцам было выдано более кч. 800.

После доклада была внесена атаману и правлению благодарность за проведенную работу. Инж. Минаевым была предложена резолюция: „Сбор вольно-казачьего куреня, заслушав доклад атамана, постановил:

Вступить в пражскую центральную организацию вольного казачества и приложить все силы к осуществлению вольно-казачьего съезда“.

Было постановлено увеличить ежемесячные членские взносы до кч. 10, с тем, чтобы 5 кч. ежемесячно посылать в фонд съезда, а остальные средства распределять по усмотрению правления.

Выражено было пожелание, чтобы все члены куреня выписали журнал „Вольное Казачество“.

В виду значительного увеличения количества членов, постановлено курень переименовать в вольно-казачий хутор имени Юрия Гончарова в Братиславе.

Правление после перевыборов осталось старое (на 4-й срок) — Атаманом: Безуглов И. И., помощником: Головчанский П. П., писарем: Бойко И. С., запасные члены: инж. Минаев М. В. и Еременко Г. Л.

(Соб. кор.).

В Париже.

(На докладе Харламова).

Начало марта в казачьем Париже прошло под знаком повышенного интереса к В. К., к идее Казакии. Увидев сильное распространение этой идеи не только в среде казачьей народной массы, но и в иностранной среде, увидев расширение и укрепление вольно-казачьего освободительного движения, противники В. К. решили начать против него крестовый поход. Только до сего времени они не знали, с какого конца и как его начать. С этой целью в Париже некоторые б. казаки „вожди“ устраивали разные „тайные“ совещания (нет ничего тайного, что не стало бы явным!) для выработки мер борьбы с В. К.

Так было во все времена! Как только сами казаки ставят себе чисто казачью цель, во имя ее достижения организуются и начинают укрепляться, то непременно в казачьей же среде находятся люди, которые прилагают все свои усилия для разложения этого дела, т. е. делается то злое для Казачества дело, что так цинично выражено в словах большевика Антонова-Овсеевского: „Казачье дело необходимо погубить казачьими же руками!“

В результате усилий русской великодержавной политики казачья государственная независимость была уничтожена; сами, некогда вольные, казаки превращены в „полукрепостных рабов“, а во внешнем мире выставлены, как разбойники, дикари, людоеды...

Но вот своей упорной работой Вольное Казачество пробуждает казачье национальное сознание; собирая в единое целое отдельные частицы некогда разрушенного Казачьего Дома, восстанавливает правдивую картину физической силой уничтоженной казачьей государственной независимости; постепенным развертыванием перед взором казака далекой и прекрасной казачьей были, укрепляет волю и желание у казаков бороться за свою независимость; с другой стороны, медленно, но верно разрушает во внешнем мире то ложное, усилием русских созданное, представление о казаках и восстанавливает перед ним подлинный образ настоящего вольного казака — этого векового поборника свободы, демократии. Это обстоятельство сильно встревожило некоторых бывших казачьих „вождей“ и они стали искать путей и способов „борьбы“ с этим разлагающимся казачьим делом.

„Казачье дело необходимо погубить казачьими же руками!“

Вероятно, результатом этих поисков и явилось то, что на Парижской казачьей позиции появилась „тяжелая артиллерия“ в образе В. А. Харламова, который 28 февраля с. г. сделал здесь публичный доклад, на-

правленный исключительно против казачьей самостийности.

Но — „страшен сон, да милостив Бог“. Ибо и устроители собрания и сам докладчик, по признанию русских же людей, достигли совершенно обратных результатов. Некоторые видные русские политические деятели, присутствовавшие на докладе, прямо говорили, что „после такого доклада самостийное движение может еще больше укрепиться“. Эти русские люди были удивлены, с одной стороны, бесцветностью доклада, полного внутренних и безнадежных противоречий, а с другой — многочисленностью выступавших на докладе самостийников, которые с документами в руках легко и свободно, пункт за пунктом, разбивали все шаткие положения докладчика, а самое главное, их молодым жизненным напором, их пламенной, восторженной верой в свою идею.

„Вода на мельницу самостийников“ — охарактеризовали доклад Харламова. И в самом деле, неудачный доклад Харламова и дружный, энергичный напор самостийников возбудили в „русском Париже“ интерес и в следующую субботу какое-то „Петербургское землячество“ устроило доклад на тему „Казакия или Россия“ (только неизвестно, почему „или“, тогда как надо „и“?). Необходимость устройства доклада на такую тему это „Землячество“ (в своем приглашении) обосновывает так: „Камостийное течение приняло формы, при которых русские люди не могут игнорировать вопрос казачьей ориентации“.

Итак, 28 февраля В. А. Харламов прочитал доклад, который продолжался почти 4 часа, заняв все время собрания и навел на всех порядочную таки скуку. Основные положения доклада свелись к следующему:

1) самостийное движение в казачьей среде — явление новое, в эмиграции зародившееся;

2) Казакия — утопия; цель самостийников неосуществима. Почему? — Потому что Россия, какая бы она ни была, никогда не откажется от богатейших Казачьих Краев; она никогда не примирится с отделением Каз-ва, пойдет на Каз-во войной, прольется казачья кровь; за нынешнюю работу самостийников полатится все Казачество и полатится жестоким образом...

А отсутствие аргументации докладчик заполнял заявлениями вроде следующего: „Надеюсь, вы мне поверите. Ведь недаром же меня Дон. Каз-во посылало во все 4 Гос. Думы; недаром же оно меня единогласно (?) выбирало председателем Донского Круга; недаром же я занимаюсь политикой 25 лет“ и т. д. и т. п.

Его „положительная программа“: „единство Российского государства“; „Российская федерация“; „в отношении Казачества в этой федерации нельзя применять одного рецепта, единого плана. Нужно установить градацию: одним положение штата, другим — автономия“, а третьим, может быть, и совсем ничего.

В „критической“ части своего доклада Харламов пользовался каждым „удобным“ случаем, чтобы „кольнуть“ „несерьезный проект Конституции фантастической Казакии“, а когда, по требованию казаков, Харламов вынужден был говорить о своей „положительной“ программе, о „широком местном самоуправлении“, то он, ни с того ни с сего, опровергая самого себя, сослался на „несерьезный проект Конституции фантастической Казакии“, говоря, что при разработке деталей этого местного казачьего самоуправления, можно будет использовать уже готовый „проект Конституции Казакии“. Очевидно, вопреки его предыдущим утверждениям, проект Конституции Казакии не такая уж вредная вещь, как он хотел ее раньше выставить.

После доклада посыпались вопросы. Между прочим донской есаул (инвалид) М. М. Колесов задал следующий вопрос: „Кому будут принадлежать богатства Казачьих Краев при вашей федерации? Казакам или России?“ Ответ: „Конечно, казакам“. „А если Россия пожелает его брать себе по поговорке: „корова ваша, а молоко наше?“ — „Будем защищаться!“ — „Как и какими средствами? Вы же не хотите проливать кровь, защищая казачьи интересы?“ — Ответа на вопрос не последовало.

Куб. А. М. Огиенко задает вопрос: „Какую вы федерацию имеете в виду — данную или взятую?“

— Вопрос остался также без ответа, ибо докладчик заявил, что он решительно не видит никакой разницы между этими федерациями (?).

Есаул А. Н. Трофимов задает вопрос: „Мы не боимся проливать свою кровь за Каз-во, а вы боитесь ее проливать и желаете путем каких то ходатайств получить от русского народа удовлетворение казачьего права. Я хочу спросить вас: укажите нам хоть один исторический пример, когда русское правительство добровольно, путем сговора, удовлетворяло справедливые казачьи требования, осуществляло его несомненное право?“ — Вопрос остался без ответа. Хотя докладчик заявил, что если не удовлетворит, тогда Казачество ответит так, как Дон ответил Москве в 1917 году на требование к себе Каледина.

Ш. Н. Балинов: „При каких условиях и в каком качестве Дон тогда сумел так ответить Москве?“ Докладчик сразу не нашелся ответить, за него с места поспешил ответить Сватиков: „При развале российского государства.“ Но докладчик подумав, ответил: „При Российской Республике“.

Ш. Н. Балинов: „Говоря о трудности создания своей монетной системы, указывая на примеры Эстонии, Латвии, Литвы и др., которым это удалось, вы говорите, что тогда был чрезвычайно благоприятный момент, но такого момента теперь больше никогда не повторится. А затем, говоря о периоде после падения большевизма, вы говорите, что тогда как раз „повторится то, что имело место в конце 1917 года, т. е. освободятся „окраины“, создадутся местные власти“. С одной стороны повторится, а с другой — не повторится. Я на это ваше противоречие указываю между прочим. Но я хочу задать вам один вопрос. Я совершенно согласен с вами, что падение большевиков приведет к освобождению „окраин“ и созданию у них „местной власти“. Мы как раз из этого положения исходим и хотим работать на укрепление этой „местной“ власти, чтобы она потом стала постоянной государственной властью, а в нашем примере — властью объединенного казачьего государства — Казакии. Я спрашиваю вас — что будете делать вы тогда? Будете ли помогать делу укрепления этой „местной“ власти, или же ослаблять ее, чтобы легче было потом привести ее в подчинение Москве?“

— Докладчик заявляет, что это такой большой вопрос, что ответить на него он сейчас не может.

Под впечатлением этого вопроса, оставшегося без всякого ответа, собрание закрывается.

6 марта состоялось продолжение собрания, на котором имели место прения по докладу. Первым выступил г. Буданов, который в доказательство того, что иностранный мир стремится разделить Россию, читал длинные, ни для кого неинтересные цитаты из трудов немецких ученых. Очевидно, лишь для того, чтобы „блеснуть“ своей ученостью. Или, может, он имел тайную цель поддержать самостийников, ибо последние постоянно говорят о том, что во внешнем мире нет союзников у „единой, неделимой“. Но оратор из сил выбивался „бить“ самостийников и потому непонятны были его цитаты...

Следующим выступил проф. С. Г. Сватиков, который доказывал неосуществимость идеи Казакии. По его мнению, казачий сепаратизм имеет гораздо меньше шансов на успех, чем даже сепаратизм сибирский, существование которого, вопреки мнению докладчика, оратор утверждает. По его мнению, теория о казачьей нации не выдерживает серьезной критики; Каз-во в прошлом пользовалось лишь „полунезависимой жизнью“. Оратор говорит, что для того, чтобы стать самостийником, претендовать на государственную независимость не так необходимо, чтобы данное население имело свое особое национальное происхождение, свою особую политическую историю, а необходим и важен психологический фактор. Но оратор отрицает существование в казачьей среде сепаратистической психологии. Между прочим, он заявил, что самостийники не знают тех серьезных трудов русских ученых в области истории русского языка, которые (труды) сильно при-

Первый (1931 г.) состав правления „Союза В. К. (сепаратистов)“ в Лиепе. Сидят слева направо: Ф. Гавриленко — 2-ой тов. предс., С. Настоящев — председатель; Д. Пятилетов — 1-ый тов. предс. Стоят слева направо: И. Мельников — секретарь, Т. Кулик — казначей.

годились бы в обоснование самостийной казачьей позиции. Закончил он тем, что Казакия неосуществима, „потому что этого не позволит (не русский народ, нет! Он не способен запретить — воскликнул оратор) Союз народов Востока Европы и Севера Азии — от украинцев и до татар! Пребывание в одном Союзе в интересах всех народов. Бог даст, современем из „СССР“ выпадут два „с“ — социалистический, советский — и останется СР — Союз республик, а не Россия!“...

— Представитель журнала „В. К.“ — Ш. Н. Балинов с документами в руках, пункт за пунктом разбирает все положения докладчика и всю его „критику“ Вольного Казачества обращает против самого же докладчика. Председатель собрания заявляет, что время оратора истекло и он не может ему позволить больше говорить.*)

— Полк. А. Т. Жуков своей остроумной речью некоторые положения докладчика превращает в смешотворные, а затем с большим душевным подъемом призывает казаков стать под вольно-казачьи знамена, ибо это — единственный путь спасения Казачества.**)

— После него выступает некий Кусочков, который бесполовым рассказом какой-то базарной сплетни об „англо-польских пирожках“ вызывает единодушный протест всей аудитории, а затем он, вероятно, сбитый с толку таким приемом аудитории, ни с того ни с сего, вдруг набрасывается на докладчика и вообще на старых казачьих „вождей“, обвиняя их в полной бездельности, в результате чего казачьи самостийники так

*) От ред. Речь Ш. Н. Балинова помещается в журнале отдельно.

**) Речь полк. Жукова будет напечатана в следующем номере „В. К.“.

укрепились, что сейчас на казачьем фронте только они де и остались, что борьба с ними теперь чрезвычайно затруднилась...

— Постоянный оппонент парижских вольных казаков, г. Гладков, ни к селу ни к городу, несет какую то ахинею о силе русской культуры, от которой он отказать не может, ибо он воспитан на лучших традициях этой культуры, чем вызывает ироническую улыбку на лицах присутствующих казаков...

— Атаман Донской Парижской станицы есаул А. Н. Трофимов: Пять минут времени так мало, что не успеешь высказать и десятой доли того, что хотел сказать. Я прежде всего пользуюсь этими немногими минутами, чтобы опровергнуть многократное и настойчивое утверждение В. А. Харламова на прошлом собрании, что журнал „БК“ „из номера в номер, изо дня в день проповедует ненависть к русскому народу, восстанавливает казаков против него, зовет на крайние меры“. Я приведу очень небольшие выдержки из передовых статей „БК“ за каждый год:

„БК“ № 1, 1927 год: „Что касается нашего отношения к русскому народу, то оно зависит и будет всегда зависеть от отношения русского (великорусского) народа к нам: мы не нападем, а только защищемся. Ненависти не питаем и проповедывать ее не собираемся, но защищать свое право и свою свободу будем“.

„БК“ № 26, 1928 год: „Повторяли и повторяем: были бы счастливы, если бы все же удалось убедить кого нибудь из русских, если бы Каз-ву удалось достигнуть своих ближайших политических и государственных целей без крови“... „Кровь — последний аргумент, последнее средство. Мы не ищем войны ради войны, — мы только защищаемся, защищаем свою жизнь, свое право и свою свободу“.

„БК“ № 49, 1929 год: „Ненависти к русскому народу не питаем и проповедывать ее не собираемся, но защищать свое право и свою свободу будем“.

„БК“ № 65, 1930 год: „Зла России не желаем, но хотим добра прежде всего Казачеству. Мы не хотим быть частью никакого целого, мы хотим работать во имя воссоздания свободной Казакии“.

Так постоянно говорит наш журнал. Так же и я на прошлом собрании, задавая вопрос Харламову, говорил, что мы крови не боимся, разумея, что если уж придется прибегнуть при защите своей высокой идеи, своих жизненных интересов даже к этому, то мы не боимся — цель наша стоит этого. В виду краткости времени, ограничусь лишь своим личным взглядом на личность В. А. Харламова как казака и как нашего, не малого калибра, общественно-политического деятеля. Было время, когда на трибуне Гос. Думы выступал довольно молодой, полный силы, энергии, горящий любовью, жертвенным служением преданностью своему народу казак Харламов. В дни, когда царь был недосыгаемая, священная величина, когда он был волен в жизни и смерти каждого своего подданного, когда не было никакой „федерации“, этот молодой казак Харламов смело, по казачьи, в сознании собственной правоты, ведомый одной лишь идеей защиты интересов посланного его народа, без тени боязни перед могущей быть грозной карой самодержца стоял и... на всю Россию был слышен голос казака. „Я спрошу — восклицал Харламов — где, в какой стране есть такое положение, чтобы маленькая часть населения — одна губерния — содержала себя целиком?!“ — „Казачьи области“ — говорил он — представляют собой в денежном отношении государство в государстве“. Этот молодой казак Харламов мне нравится и я преклоняюсь перед ним. Но... прошли года... „притулился взгляд“, поосгыла, охладела, не бурлит уж в нем кровь Донского казака! Утрачена вера, отлетела мощь казачья, как будто нет уже в нем, Харламове, силы звать на защиту родимых степей! Охватил его, окутал и сбил с дороги казачьей туман российский и он... зовет теперь снова туда... на север, в страну, где извечно рабство царит! Этот старый, утративший огонь казачий Харламов мне не нравится. Хотелось еще выразить свое недоумение по поводу заявления проф. Сватикова, что „когда-то образованная на юге России колония казаков была полусамосто-

ятельной от метрополии“. Что это? Не точно выразил свою мысль проф. Сватиков? — Трудно допустить. Неправильно я его понял? — Возможно. Или это — результат какой-то внутренней борьбы, происходящей в душе проф. Сватикова? — Допустимо. Почему же, все-таки, так резко противоречит это его заявление глубокому его же убеждению, высказанному им же в своем труде „Россия и Дон“ (стр. 575): „Войско было отдельным от России государством“? Хотелось бы знать, слышать от Сватикова объяснения причин, так изменивших его убеждение.

На этом оратор вынужден был закончить свое слово и Трофимов, лишенный возможности, за недостатком времени, продолжать свою речь, просил вашего корреспондента поместить в отчете следующие его два вопроса, какие он хотел задать Харламову и Сватикову:

Среди казаков сейчас имеется три политических группировки: самостийники, „едино-неделимцы“ и федералисты. У всех понимание борьбы за Родные Края разделяется на две части: освобождение Родных Краев от власти большевиков и дальнейшее устройство их судьбы. Первое положение должно бы всех объединить. Не находит ли Харламов возможным в разрешении первого вопроса (освобождение) идти вместе с самостийниками? А второе положение будет решаться уже дома, решит его освобожденное Казачество. Какое течение там победит — будет видно потом. Решит его наш народ.

И еще вопрос, на который докладчик так и не ответил: какую федерацию он хочет? Ведь между взятой и данной — большая разница. Харламов мог бы подтвердить это и опытом своей работы в Гос. Думе, где казаки представители отстаивали земство желаемое и велась борьба против земства даваемого. Какую же он хочет сейчас федерацию?

— Есаул И. В. Киктев (Астрах.) говорит о силе и значении Астраханского Войска, которое докладчик как будто готов снять и со счетов — не компактное казачье население, а, мол, „маленькие точки в чужом народном море“. Оратор, которому было предоставлено только 5 минут, должен был „вложиться“ в этот срок. „Да, наше Войско небольшое, но мы распространились до далекого Востока, да, мы разбросаны на огромном пространстве, нас окружает крестьянское население, но не забывайте, что в этих крестьянских селах живут те же Киктевы, Бирюковы и т. д., т. е. они во многом — наши люди, наши казаки, „переданные в крестьян“...“

— Куб. А. М. Огиенко тоже должен был „сократиться“. Между прочим, он сказал, что „странное дело: когда по приказу турецкого султана вырезывается сербский народ, то русские кричат — это преступление турецкого народа, всей Турции, а когда по приказу Петра русские вырезают Казачество, то они утверждают, что тут русский народ не причем, а виноват только один Петр. Когда турки вырезают армян, то те же русские кричат, что это — злодеяние всего турецкого народа, всей Турции, а когда Екатерина II уничтожает Запорожскую Сич, то те же русские утверждают, что тут русский народ опять не причем, а виновата только одна Екатерина“.

Заканчивает оратор выражением своего глубокого убеждения и веры, что Казачество возродится и это возрождение лежит на пути сепаратизма.

— Председатель ОРК есаул А. Л. Лысенков успел только высказаться по одному вопросу, а именно — возразил против утверждения докладчика, что в поражении казачьей народной борьбы, в несчастьях Каз-ва „не виноват Деникин и его „белое“ движение“. Оратор решительным образом возражает против такого утверждения докладчика и утверждает, что „главным виновником всех наших несчастий является именно Деникин с его слепым русским великодержавием“...

— Выступает А. И. Клочков, который в мало-понятных словах „возражает“ против идеи казачьей независимости, а что, по его мнению, нужно для Каз-ва, осталось совершенно неизвестным.

— Последним выступает ст. Казанков, который на основании „биологических законов“ и существующего в эмиграции положения, утверждает, что русская

эмиграция не представляет из себя никакой силы, она — просто быдло. И казачья эмиграция недалеко от этого ушла. И только ВК, поднявшее определенное знамя, охваченное высокой идеей, как будто начинает превращаться в некую силу. Оратор заканчивает свое слово утверждением, что до тех пор, пока казачья эмиграция не объединится в единую семью и не образует единый казачий кулак, до тех пор мы будем слабы...

Говорили и представители „Лиги“ — г.г. Карев и Бояринов.

Записавшиеся в число ораторов И. А. Скобелин и Е. И. Чертков не выступали — первый потому, что уступил свое время Балинову, а второй — отказался потому, что за 5 минут все равно ничего не успеешь сказать.

На этом прения по докладу заканчиваются. А когда поднялся сам докладчик для произнесения заключительного слова, то значительная часть присутствовавших казаков ушла из собрания, говоря: „Что же его слушать, начнет снова свою старую вичавку пережевывать“. И эти ушедшие оказались правы. Докладчик ничего нового не сказал, ни на один аргумент своих оппонентов, основанных на документах, не возразил, ни на один вопрос не ответил. Все свелось к его голословному утверждению, что все говорившие со всеми своими документами не стоят и медного гроша, а что я, Харламов, — чистейшая, мол, жемчужина. Приведу несколько фраз из его заключительного слова: „У них, самосийников, молодость, больше веры, больше огня. Я завижду им, но у меня больше опыта житейского и я должен беспоощно разбивать их наивную веру, иллюзию... „Вы веруете, а вера — вещь недоказуемая...“ „Этой своей верой, этим чувством вы не победите Россию...“ „нельзя на этих старых взаимных счетах строить свое будущее...“ Вот и все его возражения. А чтобы хоть как нибудь уколоть своих оппонентов, доставивших ему неприятность, докладчик для каждого из них придумал соответствующие эпитеты. Например, Балинова он назвал „старобрядческим начетчиком“, — говорить с ним бесполезно. Жуков — демагог, возражать ему не стоит, и т. д. и т. п.

А результат своего доклада сам докладчик определил такими словами: „Я вынес глубокую неудовлетворенность“. — Еще бы!

Пророком оказался тот русский человек, который заявил, что после такого доклада самосийники могут только укрепиться. И в самом деле: после окончания собрания, многие совершенно неизвестные казаки подошли к выступавшим самосийникам с благодарностью жали им руку, говоря, что „вы сказали как раз то, что с болью в душе носим и мы“.

Так закончилась эта первая вылазка Харламова в Париже. Всякая вода льется не мельницу ВК!

Доклад кончился. Схожу вниз. Подходит один знакомый по Праге казак и спрашивает о моем впечатлении от доклада. Говорю, что доклад Харламова должны были бы устроить мы, самосийники, ибо он только полезен для нас своей слабостью, бледностью. А он мне: „что же вы хотите от ученика „хвостиста“? Не понимаю. Он мне делает следующее „разъяснение“. Харламов — политический ученик П. Н. Милюкова. Милюков — „хвостист“, т. е. всегда рьяно хватается за хвост событий, поспевает к шапочному разбору. Помилуйте, в конце русской монархии Милюков был монархистом. После конца Российской республики стал республиканцем. А вот как будто приближаются сроки русского большевизма, а Милюков призывает „сочувствовать советской власти“. Милюков, можно сказать, живой символ России. При своем глубоком и разностороннем познании он до конца дней своих не нашел себе места в жизни своего народа, как и его народ, при своей огромности, многочисленности и богатстве, не находит себе места в жизни мира. У России — „земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет“; у Милюкова — „познания мои глубоки и разносторонни, да толку с них нет“! Что же вы хотите от ученика такого человека, при том же по рукам и ногам связанного строгой партийной дисциплиной!

Не вашему корреспонденту, конечно, возражать против такой „теории“ простого казака.*)

Два слова о лживых выкрутасах корреспондента газеты „Возрождение“, написавшего „отчет“ о докладе Харламова под „многообещающим“ заглавием „изменники России среди Каз-ва“. „Обещание“ довольно определенное. По недавнему „опыту“ все мы знаем, что получают „изменники России“: „за измену России“ повесили Кулабухова, следовательно, и все вольные казаки — „изменники России“ — также будут повешены (если будет кому вешать!). Для русских „патриотов“ вольные казаки — хуже большевиков, ибо, по их мнению, эти последние все же — „защитники российских интересов“!

Отчет в „Возрождении“ начинается ложью. Написано: „нормально в зале вмещается человек сто, а пришло чуть ли не втрое больше“. Очевидно, нужно быть корреспондентом „Возрождения“, чтобы так легко лгать. Зал нормально вмещает сорок человек, а пришло человек 80, было, конечно, тесно. Что должны подумать те 80 человек, которые прочтут это сообщенное корреспондентом „Возр.“?

„Доклад его (Харламова) — беспощадная, обстоятельная и словообильная критика казачьего самосийничества“ — пишет „Возрождение“. — Необходимо отделить правду от лжи. Желание докладчика, действительно, „беспощадное“, доклад его, действительно, „словообилен“. Это — верно. Что же касается до „обстоятельности“, то присутствовавшие казаки определили так: „беспредметный, бледный“.

„Аудитория в огромном большинстве сочувствует докладчику“, напечатано в „Возрождении“. — А как этот корреспондент узнал, что „огромное большинство сочувствует докладчику“? — Узнал потому, что „сочувствующие молчат“, а „десяток бойких парней“-самосийников „то и дело прерывают“ докладчика. Поразительный этот корреспондент: в словах выраженное не понимающий, а в чужих сердцах так ясно читающий!

... „Самосийники“ с чисто русской страстностью произносили слова ненависти по адресу России и по адресу русского народа, — не моргнув глазом, пишет корреспондент „Возр.“ Чтобы понять, что самосийники ни к кому ненависти не питают, а только защищают свое право, достаточно прочитать речь Трофимова, где говорилось как раз обратное тому, что пишет корреспондент: не ненависть к кому бы то ни было, а сыновья любовь к Родному Казачеству!

Как ложь неприкрытая довлеет над подобным сортом русскими „патриотами“! Как им чужда элементарная правда!

(Соб. кор.).

Доклад полк. В. И. Балабина в г. Лионе.

13-го февраля с. г. в г. Лионе состоялся доклад полк. В. И. Балабина (атамана Вольно-казачьей станции в г. Южине), организованный „Союзом В. К. (сепаратистов)“, в г. Лионе.

Маститый дед-Пугачевец произвел на слушателей (свыше 70 чел.) большое впечатление, как и даром слова, так и содержательностью доклада, тема коего была „Взаимоотношения России и Казачества. Возможно-ли существование Казакии“ и „Вольно-казачий Свезд“. Полк. В. И. Балабин, известный казакам как на германском фронте (36 Донской к. п.), так и по периоду борьбы казаков с большевиками (член Донского Войскового Круга от станции Семикаракорской, председатель военной комиссии Большого Войскового Круга, председатель военно-полевого суда), начал изложение своего доклада с описания момента великого переселения народов, переходя постепенно к изложению исторических моментов новейшей истории Казачества. Естественно, что в краткой информационной заметке, нет возмож-

*) От ред. „Интересная вещь“, которую тоже стоит отметить: о докладе своего однопартийца и последовавших по нему прениях „Последние Новости“ не обмолвились ни словом!

ности дать подробное описание доклада, поэтому пишущий оные строки, оставляет за собой право огметить лишь наиболее существенные моменты...

Особый интерес со стороны казачьих-слушателей проявился к сообщению полк. В. И. Балабина, указавшего на то, что Казачество приняло правослаویه на 108 лет ранее, чем состоялось крещение Руси (данные об этом имеются в трудах арабских писателей). Далее, интересным историческим фактом является указание и о том, что казаки являются предками кочевых народов (хазары, папаги, чиги и т. д.), обитавших в пределах старинной Козахии. Докладчик подкрепил свои исторические исследования и фактическими данными, именно, до самого последнего времени сохранилась в отношении Донских казаков кличка, ведущаяся издревле, „чига остропузая“ (чиги), головные уборы казаков были меховые шапки „папах“, т. е. именно те самые головные уборы, которые носили и папаги. Лампасы у казаков ведут свое происхождение вовсе не от времен Атамана Платова, а от эпохи пребывания хазар на территории Дона. Категорическим образом опровергая „теорию“ русских историков по вопросу о происхождении казаков от беглых холопов, полк. В. И. Балабин огметил, что в Московской Руси класс крепостных крестьян (холопов) возник лишь при Борисе Годунове, между тем как за много лет перед этим прогремели казачьи Атаманы — Ермак Тимофеевич, Иван Кольцо, Никита Пан, Яков Михайлов и т. д., а их соратники были казаками — вольными людьми, но никак не отпрысками московских холопов.

Резонным является утверждение полк. В. И. Балабина и о том, что нынешние вольные казаки, суть потомки тех вольных казаков, каковые были верными соратниками Атаманов Ермака, Степана Разина, Кондратия Булавина, Игната Некрасова, Емельяна Пугачова и т. д., между тем как современные „холопствующие“ казаки российской ориентации — это суть именно потомки тех русских „холопов“, каковые и бежали на Дон, от гнета московских бояр и т. д. „Холопская кровь всегда воспроизводит холопское обличье“, заметил докладчик, рассказав подробно о том, как ген. Богаевский совместно с Мельниковым втирают очки казакам, сгараясь последних затянуть в ярмо российских политических партий.

Сильным местом в докладе полк. В. И. Балабина, являлось обстоятельное изложение событий, сопутствовавших выступлению Атамана Кондратия Булавина против Петра I. „Нет более мрачной фигуры для казаков, нежели Петр I, действия которого в отношении казаков не отличаются ничем от действий большевиков, если даже не превосходят последних. Я называю Петра I, всего лишь Петром Окаянным, но никак не Петром Великим, ибо этот человек не заслуживает иного прозвища... Помните, казаки, всегда о том, что по приказу Петра I, русские солдаты выжили на Дону свыше сорока казачьих городков, перевешали и перерезали свыше 10.000 Донских казаков, пуская вниз по р. Дону на плотках — виселицы с повешенными казаками. Но, Петр Окаянный, в стремлении уничтожить Казачество, перещеголял большевиков, у беременных казачьих жен и матерей, Петровские солдаты тесаками распарывали животы, изничтожая оным мерским способом — младенцев казачьего рода“ — повествовал дед-Пугачевец, заставляя аудиторию содрагаться в душевном трепете...

Как было поступлено с Казачьими Землями во времена Екатерины II, Павла I и т. д., и об этом дал обстоятельное резюме полк. В. И. Балабин, остановившись много подробнее на времени Николая II, когда Казачество окончательно было обезличено и превращено в „служилое сословие“.

Коснувшись вопроса о борьбе большевиков с казаками, пояснил, что большевики победили казаков лишь потому, что они правильно формулировали постановку вопроса о борьбе с Казачеством. „Казачий фронт для нас важнее, чем немецкий фронт“ говорил Лейба Троцкий, так-же как и совет народных комиссаров Р.С.Ф.С.Р. издавал приказы о том, что с „казаками бороться сильнее, нежели с внешними врагами“. Закрепив свою победу в России над буржуазией, интеллигенцией и т. д. на основании социальном, большевики инспирировали

настроение русских народных масс в отношении казаков на основании национальной розни!

„И могло-бы Казачество защитить себя в борьбе против русских большевиков, если-бы в самые критические минуты бытия в 1919—1920 г. г., во главе его не оказались такие люди, как ген. Богаевский, слабая, безвольная личность, человек не сдержавший своей Атаманской присяги и изменивший Донской Конституции.“

Блестящий доклад полк. В. И. Балабина, закончился пламенным призывом с его стороны собираться всем казакам под Вольно-казачьими знаменами, вести подготовительную работу к Вольно-казачьему Съезду, и, наконец, собрать Походный Круг эмигрантского Казачества, выбрать Походного Атамана (на смену отпраздновавших „десятилетние юбилеи“ б. Войсковых Атаманов) и ринуться вперед... на борьбу за национальное освобождение Казачества, имея своим лозунгом: „Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель“.

После доклада, полк. В. И. Балабин совместно с хор. И. А. Болдыревым (казначей Пугачевской ст. в г. Южине), были приглашены вольными казаками на ужин, во время коего Южинские и Лионские вольные казаки, — лишний раз почувствовали твердую уверенность в том, что уже недалек тот момент, когда начнется последняя решительная борьба, не на жизнь, а на смерть, когда в последний раз будет поставлен на разрешение вопрос „быть или не быть Казачеству“.

Надо полагать, что в недалеком будущем вольные казаки г. Лиона будут иметь возможность видеть у себя в гостях и представителей вольно-казачьих организаций г. г. Парижа, Марселя, Бордо и др.

Большое, горячее спасибо Вольного Казачества г. Лиона, за деятельную и плодотворную работу полк. В. И. Балабину и хор. И. А. Болдыреву в деле предстоящего освобождения Казачества и создания им самостоятельного казачьего государства — Казакии...

(Соб. кор.)

Письмо в редакцию.

Глубокоуважаемый г-н редактор!

Будьте любезны не отказать в моей просьбе — поместить в следующем номере нашего казачьего журнала прилагаемую при сем мою корреспонденцию и одновременно убедительно прошу объявить в журнале о том, что я считаю позорным для себя носить звание офицера, полученное из рук моих врагов — русских, а посему бросаю им в лицо их погони и награды; для меня приятнее получить звание приказного, но из рук родного, казачьего правительства. А посему с этого момента я не считаю себя офицером из чисто казачьего самолюбия.

С казачьим приветом казак Яикского Войска, Илекской станицы, Михаил Игнатьевич Портнов.

Скопье, Югославия.

Ген. Шкуро в Скопье.

Встреча генерала Шкуро и „законные выборы“ Скопьянской станицы.

За пять дней до приезда г. Шкуро в Скопье по городу уже циркулировали слухи о его приезде. По этому поводу обращались с вопросами к атаману станицы Я. Ковгану, который только плечами пожимал. Как после оказалось, эти слухи исходили от одного члена станицы, который оказался... на Миллеровской цепочке и вел переписку с полковником Соломахой, и вся эта компания готовила сюрприз нашей станице.

Только 27-й атаман станицы Я. С. Ковган получил извещение из Кубанской канцелярии из Белграда о приезде г. Шкуро, с просьбой заказать сбор на 28-й. В тот же день мы убедились в справедливости слов, что нам ранее говорили казаки, и о которых не хотелось верить, и о том, какую роль играли в этой истории два лица, члены станицы И. Ляпин и И. Котляров. Был и третий, но с взглядами его и убеждениями и о приверженности его единонеделимству все были знакомы и для нас ничего удивительного не было в том, что г. Сергиенко идет против вольных казаков.

В 2 часа дня генерал приехал и, отказавшись от

предложенного одним казаком-шофером автомобиля, изъяснил желание пройтись пешком. При знакомстве с нашим атаманом, г. Шкуро удивленно спросил: „А, это вы Ковган?“ Очевидно, досужие люди мастерски сумели расписать в определенных красках нашего атамана и Шкуро, вероятно, ожидал встретить некую фигуру вроде „товарищей“ из бывшего 17 года, а тут, вдруг, его встретил человек, как человек, в таком же костюме, окруженный своими братьями-казаками, что и удивило, видимо, соответствующе поднастроенного генерала.

В отеле „Мартер“ „высокий гость“ отдыхал до 4 часов дня. Между прочим, надо заметить, что проезд г. Шкуро в Скопье дал очень интересную характеристику результатам объединенной работы небольшой группы казаков, в большинстве офицеров, выезженных под миллеровским седлом, которые долгое время всякими способами силились добиться той цели, чтобы удалить атамана Ковгана и стать во главе правления. Чего только они не испробовали в течении трех лет, каких только гадостей не выдумывали „просвещенные головы“, способные только лить помой на головы тех, которых они не соизволят считать в своей семье. Доносы о коммунизме, золотой конек, на котором любят выезжать бесхитростные в политических понятиях российские зубры, доносы о воровстве, о неправильности ведения дела, самочинстве и даже область семейной жизни не была оставлена в покое; все сыпалось, как из рога изобилия в уши „Великого Атамана“ с возгласами SOS, казаки гибнут! Если взять самую заядлую сплетницу бабу, то смело можно сказать, что она позавидует их таланту... Да, народ тут гениальный, что и говорить, на все мастера, да и для музеев многие из них ценны, как зоологические редкости, отличающиеся довольно редкими свойствами хамелеона — менять окраску, плюс к тому и два лица, как у Бога Януса, что и выявилось при встрече генерала.

Наконец, время приблизилось к 4 часам; зал „кафаны Далмация“ был полон к этому времени самой разношерстной публики: казаки самостийники, неделимцы, черкесы, армяне, сербы, даже и русские приползли; казаки — понятно — пришли встретить своего казака, а москаль зачем?.. Тут что-то не так, москаль хитер и даром глазеть без выгод не займется. И вся эта масса, разделившись на группировки, расселась по местам; при чем единицами небольшой и сиротливой горсточкой сели впереди, ближе к „гостю“. Все говорили; один уверял, что генерал записывает охотников на Д-Восток; другой, что ведется организация казачьих сил для десанта на Черноморском побережье, и т. д. без конца; и всякий раз, как только дверь отворялась, внимательно рассматривают входящих, думая: „не сам ли?“ Вот пошла ходить по залу тарелка для сбора в какой-то очередной „фонд“.

Но вот в четыре часа кое-кто засуетился и от группы „архиинтеллигентов“ отделились три фигуры с подобострастными, заискивающими лицами и мелкой, семенящей походкой подошли к дверям и заняли, видимо заранее условленные места. Дверь, наконец, распахнулась и входит „он“... Одна из фигур, наиболее вытянувшаяся, издала петушинный крик: „Встать!.. Смирно!.. Господа офицеры!“ И это несмотря на то, что все и без того стояли и весьма смирно, а господ офицеров никак нельзя было отличить от не господ офицеров. Гость здоровается и садится за председательский стол с атаманом и помощником, поближе подсаживаются и господа неделимые, стараясь быть на глазу у начальства. Атаман станицы открывает сбор приветствием королю Югославии, после чего всеми уважаемый есаул В. Г. Компаниец запевает „Ты Кубань, ты наша Родина“. Все встают.

Затем слово предоставляется гостю. Обрисовал международную политическую обстановку, что ни для кого не было ново, так как ничего особенного, помимо того, что известно всем грамотным людям, читающим ежедневную прессу, он не сказал. Скользко отметил, что кто-то на казаков смотрит как на какую то силу (может быть полицейского характера?), а в общем понес что-то туманное и не ясное. Между прочим, он, видимо, не был верно информирован и не знал, что приехал в общеказачью станицу и все время обращался

только к кубанцам, очевидно не считаясь с организацией, а только с наличным большинством. Был сделан и упрек атаману станицы за статьи в „БК“. „Не стейки нужно писать, а дело делать и создать кружок „военного обучения“ для подготовки людей к грядущим событиям.“ На реплику из публики: „шупает!“, последовал грозный оклик: „прошу не мешать мне говорить! Я не пришел сюда митинговать! Кто сказал — вывести за дверь!“ Такой наскок „гостя“ многих смутил, только на лицах единонеделимцев заиграли блаженные улыбки — этот окрик для них был как звук давно неслышанной, любимой музыки...

Затем „гость“ сразу перешел, видимо, к главной цели своего приезда и, указав на „неблагополучие“ в станице, именем В. Атамана Науменко потребовал произвести „законные выборы атамана“ общеказачьей станицы.

Тут надо заметить, что Науменко далеко перешагнул Богаевского, он мог бы распоряжаться, если это им нравится, только кубанцами, но вмешиваться в дела общеказачьего характера — на это он никем никогда уполномочиваем не был. Гораздо было тактичнее просто приказать кубанцам выйти из общеказачьей организации, образовать свою кубанскую организацию и туда тогда посылать на расправу г. Шкуро. Избранный нами атаман Ковган нашел нужным из уважения к г. Науменко сообщить ему о своем избрании, а тот этим воспользовался, чтобы счесть себя вправе вмешиваться в дела станицы.

Но, как бы то ни было, Шкуро приказал „приготовиться к законным выборам“. Кто ему сказал, что наш атаман был незаконно избран?.. Но, нахальство часто обескураживает публику: на это его приказание публика начала называть кандидатом; послышалось сразу много голосов: „Ковгана! Ковгана!“ Есаула Котлярова! — пискнул кто-то, за ним другой и — умолкли, словно выполнив тяжелую обязанность. Чиновника Сергиенко! раздалось для комплекта еще два-три голоса.

Генерал, из гостя превратившийся в хозяина, записал и предложил кандидатам удалиться. Прежде чем баллотировать, генерал начал что-то вrede предвыборной агитации и предложил высказываться за и против Ковгана. Выступает один против. „Неправда! Ложь!“ заревело собрание. Начинает говорить за. „Правильно! правильно!“ ревет собрание, не давая пишущему эти строки говорить. На лице „его превосходительства“ заиграла хитрая улыбка, он уловил настроение собрания и... вдруг собрание прерывается, так как по непредвиденным обстоятельствам „хозяин отеля просит освободить помещение“.

Казаки перешли в другую „кафану“. Но гость, уже узнавший в чем дело, уединился со своими единонеделимцами, обсудили там они вопрос о „законных выборах“ и один из его „людей“ пришел и устами генерала Шкуро заявил, что так как на производство выборов тайным голосованием нет уже времени, то именем В. Атамана назначается сроком на один месяц „административный атаман“, есаул Котляров, что и было нужно для г. Науменко. Правлению приказано остаться старому, заявление о снятии обязанности не принято.

После такого скандального перевыбора атамана, способом называемым „законным“, все присутствующие перешли в более обширную кафану „Престолонаследник“ — повеселиться. Ну, и действительно повеселилась Общеказачья станица со своим старым атаманом, отделившись от „гостя“ с его „административным атаманом“ и новоиспеченными общественниками — „русскими казаками“, которые сидели, смотря друг на друга. уныло хлопая глазами. У нового „административного“ атамана не нашлось пары слов на предложение г. Шкуро — сказать речь.

Так и остался он сидеть, вытянувшись перед „гостем“, словно аршин проглатив. А в стороне вокруг старого атамана Ковгана уже лилась казачья песня: „Ой гук, мати гук!..“

29-II „гость“ делал еще официальные визиты и „принимал посетителей“; в тот же день он уехал, назначив приемную комиссию, председателем которой оказался какой-то есаул или сотник Мяч, говорят раз-

ное, а в общем личность, никому неизвестная, но склонная к слиянию казачьей и русской колонии в одну.

1 марта приемная комиссия с Мячем во главе пришла к атаману Ковгану и было решено произвести процедуру приема и сдачи на другой день после обеда, но к вечеру того же дня появились снова и потребовали передачи немедленно. Котляров при этом заявил, что приведет полицию, на что получил ответ — делать все, что только может. Однако, Котляров дальше угрозы не пошел и остался на ранее решенном.

6-III ревизионная комиссия в присутствии приемной ком. начала проверку денежных сумм и нашла, что станция осталась должна Ковгану 400 динар, о чем Ковган получил письменное постановление рев. ком. Таким образом рассеялась распространявшаяся Ляпным ложь, будто Ковган растратил какие то 8.000 динар, о каком своем подозрении он заявил на собрании вместе с вопросами: 1. на каком основании Ковган ведет запись в Америку казакам, желающим ехать без благословения г. Науменко, 2. где деньги, которые были собраны от продажи карточек на поездку Науменко? А чья была идея карточек, чей труд и о том, что карточки были работы донца Дорошева и уральца Портнова, — никому ведь неизвестно, если об этом не говорить. А что, если и мы зададим вопрос: Куда г. Науменко дел эти деньги, собранные на его поездку, не поехав в Америку? Не мешало бы ему спросить Общеказачью станицу (конечно, не теперешнюю с его „административным атаманом“), как бы мы желали с этими деньгами поступить, не держать же до бесконечности где-то их и для чего-то, или общеказачьим деньгам приказано также, как и Общеказачьей станице в Скопье „законно выбрать Атамана“? Это было бы уже совсем мило.

Казак Яикского Войска М. Портнов.

От ред. Все же, при чтении этой корреспонденции, у многих казаков может встать вопрос: неужели и теперь еще, после всего случившегося и после всего пережитого, перед любой станицей может появиться какой нибудь новый г. Покровский или старый Шкуро и... крикнув и притупив, может теми же казачьими руками разогнать любую будущую казачью Радугу?

Когда же казаки научатся указывать свое место зарывающимся нахалам?

От редакции.

В виду сотрудничества „Союза Кубанских писателей и журналистов“ с издаваемым в Париже „Кубанским Казачеством“, настоящим предлагаем тем нашим соотрудникам, которые состоят членами этого союза, или уйти из союза, или мы вынуждены будем отказаться от их сотрудничества.

Письмо в редакцию.

Многоуважаемый
господин Редактор!

Прошу не отказать в любезности напечатать в национальном казачьем журнале, что я больше не состою соотрудником сборника „Кубанское Казачество“, как равно не состою и членом Общества Ревнителю Кубани.

Примите мои искренние извинения за беспокойство.

Еф. Якименко.

14 марта 1932 г. Париж.

Способы борьбы едино-неделимцев.

В городе Южине есть две казачьи станицы: одна „Пугачевская“, члены которой все вольные казаки, искренно любящие свою многоотрадную мать Казакию и готовые каждую минуту отдать свою жизнь за ее счастье и благо.

Другая же станица едино-неделимцев, которые заботятся о счастье России, в ущерб Казачеству и казачьим интересам.

14-го февраля с. г. казаки Пугачевской станицы пришли в русскую евоглевскую церковь отслужить панихиду по всем казачьим атаманам, войсковым стар-

шинам, казакам, казачкам и казачьим детям, за веру и свою родину в боях живот свой положивших.

Со священником и псаломщиком этой церкви было переговорено раньше; оба они дали свое согласие.

В это же время должна была служить панихиду и станица едино-неделимцев.

Казаки нашей В. К. станицы, приготовили кутью и, придя, поставили на поминальник.

Перед началом панихиды г-н Кравцов, казак нашей станицы, подошел к церковному старосте Андрону Николаевичу Кановалову, сг. Усть-Медведицкой, чтобы купить свечей для панихиды. Староста, вместо того, чтобы дать свечи, обратился со словами: „это ваша кутья на поминальнике?“, Г-н Кравцов ответил: „это мы принесли“. Услышав это, г-н Кановалов замахал руками и как зверь набросился на Кравцова: „Мы уже раз отслужили панихиду по разбойнике Мазеле, а теперь еще по разбойникам служить! Нет, наша церковь по Пугачеву, которого проклинали во всех церквях, служить панихиды не будет“.

Заводить спор наши не захотели, ибо церковь есть Божий дом, где нет места спорам.

Невольно после такого ответа каждый с уверенностью может сказать, что староста, г-н Кановалов, или ума лишенный человек, или был в припадке умпомешательства.

Прежде всего: на поминании было написано 27 имен атаманов и 10 имен войсковых старшин; при чем, нигде не было поставлено фамилии, а поэтому не было основания и говорить, что по Пугачеву эта церковь не будет служить панихид, а самое главное это то, что этот человек не прочел поминания, а поэтому и не имел основания отказывать в панихиде.

Все прихожане этой церкви всегда говорят, что наша церковь вне политики. Как-же теперь называть эту церковь? Церковь это или политическое учреждение?

Кажется всем казакам известно, что ат. Каледин и М. П. Богаевский со всем 1-ым Войсковым Кругом служили в Новочеркасском соборе панихиду по Степане Разине, которого раньше проклинали по всем церквям.

Теперь является вопрос: если бы там и было имя Пугачева, то кто мне может запретить служить по нем панихиду?

Г-н Кановалов офицер и считает себя образованным, а поступки и его дела говорят за то, что он далек от всякого образования, а если он даже таковое и получил, то он его вылил в хамство и самую большую подлость...

Почему служат и служили панихиды по Петру I-ом?

Не он-ли пошел против Божьих заповедей и против евангелия? Сколько тысяч казачьих семей он уничтожил? Сколько невинной крови пролил он? Да разве он один? А за них ведь за всех служили панихиды; почему-же мы не можем отслужить панихиду по Пугачеву, а тем более, что это Божий храм, который должен стоять вне политики.

Г-н Кановалов хотел вылить какую-то месть на В. К., но этим он ничего не доказал, а наоборот показал свою слабость и мелочность...

Мы, вольные казаки, носили и носим в наших сердцах имена тех, которые пали за свободу матери Казакии. Наша память о них, это нерушимый вечный памятник, который идет и передается из рода в род.

В наших в. казачьих сердцах всегда горели и горят неугасимые лампы в память героев казачков, которые отдали свою жизнь за счастье и благо Казачества, и эта память является лучшей наградой для них.

Вольный казак Пугачевской станицы

Г. В. Балабин.

Из жизни казаков в Монтаржи.

На общем собрании членов „Казачьего клуба“ произведены переборы членов правления и ревизионной комиссии. Выбранными оказались: Председателем переизбран Войсковой старшина — И. Т. Ступников; товарищем — есаул Г. С. Абрамович (не казак, но служивший в пластуных частях Куб. В.), секретарем, вместо отказавшегося М. Л. Малышко, избран А. П.

Зартынов (калмык), казначеем переизбран — И. Е. Фоменков (дон). Председателем рев. ком. переизбран К. Т. Мельников (дон), и членами П. У. Манунинов (калмык) и И. С. Дурнов (астраханец).

Член клуба П. У. Манунинов.

Франция. Март, 1932 г.

К калмыцкой эмиграции.

После кровавой драмы в семье калмыка Конторова остались совершенно беспризорными трое малых детей. Хотя по отзывам некоторых соседей и сам Конторов заслуживает того, чтобы калмыки позаботились об облегчении его участи (напр. наем адвоката на суде), но в первую голову необходимо позаботиться об этих ни в чем неповинных, несчастных детях. Заботы и усилия двух-трех добросердечных людей и кое каких жалостливых соседей здесь недостаточны; нужна организация сбора пожертвований по всем калмыцким колониям; пусть каждый хоть копейку урвет от своего бюджета и если все мы дружно и доброжелательно отнесемся к этим ~~спротам~~ ^{сиротам}, мы можем хоть на время, пока не будет найден какой-либо приют или приемники, облегчить их судьбу. Нужна помощь немедленная, неотлагательная. Пусть те, кто наиболее почувствует сострадание к этим детям, возьмут на себя инициативу по сбору пожертвований, пусть не стыдятся просить и приставать, — не себе просить, а несчастным детям. Пожертвования

нужно направлять по адресу: M^{ur} Balinoff 7, rue du Chemin-Creux, Joinville le Pont (Seine) France, у которого, пока, по просьбе отца из тюрьмы, находятся эти дети и который, живя скромно, как и все мы, не может долго продержат этих детей.

Хочется верить, что у наших собратьев не очерствело их обычно мягкое, доброе сердце и ни один не поскупится пожертвовать, что может; все мы бедны, многие нуждаются, но урвать пятак почти может каждый. В качестве почину из Чехии жертвую 100 франков, которые пошлю в два приема, в марте и апреле.

Санжа Балыков.

В поисках земли.

(Письмо в редакцию).

Казаки, проживающие в Чехословакии и желающие выехать на землю в республику Парагвай, должны до 1 апреля с. г. подать мне о том заявления, с приложением именного списка семьи в трех экземплярах, где должно быть четко указано: 1. фамилия, имя и отчество каждого члена семьи, 2. год, месяц и число рождения каждого члена семьи, 3. место рождения (хутор, станица), 4. Войско, 5. чем занимался на родине, 6. специальные знания, 7. точный адрес.

Заявления и списки прошу направлять по следующему адресу: E. Tišin, Březinová č 714, Vitkovice na Moravě.

Открытое письмо редактору „Горцев Кавказа“.

Из журнала „Горцы Кавказа“ № 27 — февраль, 1932 — мы узнали, что вышел в свет IX сборник периодического органа „Кубанский Край“ и что сборник этот полемизирует с нами. Из той выдержки, которая помещена Вами на стр. 32 Вашего уважаемого журнала, мы догадываемся и о характере этой полемики. К большому нашему сожалению, мы лишены возможности ознакомиться непосредственно с самим IX номером „К. К.“, т. к. обнаружить его в казачьих руках, несмотря на все наши старания, нам не удалось. Было нам от-

казано в продаже этого номера и при непосредственном обращении к издательству „К. К.“

Все это заставляет нас обратиться к Вам с несколько необычной просьбой: не были бы Вы так любезны прислать нам хотя на короткое время IX книжку „К. К.“? Обещаем, что по ознакомлении с ее содержанием, мы вернем ее Вам немедленно.

Примите уверения в нашем совершенном к Вам уважении

Редакция „В. К.“

В Казаки.

По страницам сов. газет.

Страницы сов. газет настолько однообразны, что просмотрев одну можно смело сказать, что в других нового ничего не найдешь. Повторяется одно и то же из-дня в день.

Вот, напр., в „К. З.“ (Краснодар) от 8 марта пестрят: „Выше качество хлеба!“ „Повернуть кондитерские лицом к буфетам предприятий“. „Месяц строили и... выбросили на ветер 1000 рублей“. „В чем корни прорыва?“

В той же газете 10 марта приказывают „обещая“: „Обеспечим победу первой пятилетки“ (значит, еще не

обеспечена). „В жилище рабочего — воду и свет“ (значит, ни того, ни другого нет). „Строительный сезон застал строителей врасплох. Повторяются ошибки прошлого года. Нет строительных материалов, проектов, договоров“. „Таким темпом нельзя работать.“

11 марта: „Отвести угрозу срыва жилищного строительства“. „Ежедневно повышать темпы“.

15 марта: „И темпы и качество отстают“. „Пригородные кооперативные хозяйства к севу не готовы“.

— Судя по некоторым отрывочным сведениям „К. З.“ от 13 марта, Кубань сильно разлилась, затопила многие станицы и вообще причинила огромные убытки.

Поправка.

В предыдущем номере, на стр. 3, правый столбец, предложение, начинающееся 19 строчкой внизу, следует читать так:

Нам понятно теперь, почему русские всех цветов и оттенков, от царей до коммунистов, убивали Разина, Пугачова, Булавина, Грузинова, Рябова, Кулабухова, Назарова, М. Богаевского и даже — Зерщикова!

Розыски.

Казак ст. Атамановской, хут. Алексеева, В. Д. Иван Кириллович Быкадоров розыскивает дядю Степана Ивановича, Ивана Степановича и племянницу Анну Семеновну Быкадоровых. Лиц, знающих местопребывание оных, прошу сообщить мне по адресу: Jugoslavija, Subotica, fabrika „Zorka“, мне.

Открыта подписка на 1932 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч.
за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.